

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

П Р И С В Е Т Е Л У Н Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц
При свете луны

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

При свете луны / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 2002 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-16561-8

Жаркой аризонской ночью Дилан О'Коннер, путешествующий по Америке вместе со своим младшим братом-аутистом Шепом, делается жертвой безумца, вколовшего Дилану неизвестный препарат. Еще одной жертвой становится Джулиан Джексон, странствующая актриса. О препарате им известно лишь то, что введенная маньяком субстанция полностью переменит их жизнь и судьбу – если не убьет в течение суток. Или если их не убьют преследователи, охотящиеся за инъецированными людьми. Драгоценное время истекает, и единственный для них шанс выжить – понять значение слов, которые повторяет и повторяет Шеп: о таинственном человеке, делающем свою работу при свете луны...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16561-8

© Кунц Д. Р., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дин Кунц

При свете луны

Dean Koontz
By the Light of the Moon

© 2002 by Dean Koontz
© В. А. Вебер, перевод, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга посвящается Линде Моррис и Элайн Петерсон за их трудолюбие, доброту и порядочность. И разумеется, за выявленную ошибку, которую я допускаю раз в год и которая, оставленная, могла бы замарать мой безупречный послужной список. И за сокрытие от меня истинной причины, по которой они остаются в нашем доме, гарантируя, что мисс Трикси всегда почешут животик, если она того заслуживает.

В кабине самолета пилот держит в своих руках жизни тех, кто летит с ним, его глаза широко раскрыты, залитые лунным светом.
Антуан де Сент-Экзюпери. Ночной полет

Жизнь не имеет смысла, если не мерить ее ответственностью.
Рейнхольд Нибур

*Бери меня за руку, крепко держи.
Тебя не оставлю в несчастье и лжи,
А если я вдруг подведу – так пылай,
Душа моя, в адском огне, и пускай
Сгорит она в бездне, себе на беду.
Держи меня за руку – не подведу.*

Книга сосчитанных печалей

Глава 1

Незадолго перед тем, как его отключили ударом по голове и привязали к стулу, прежде чем ввели ему в вену, против его воли, неизвестную субстанцию, прежде чем он открыл для себя, что мир полон загадочности, существование которой он и представить себе не мог, Дилан О'Коннер вышел из номера мотеля и направился к расположенному по другую сторону дороги ярко освещенному ресторану быстрого обслуживания, чтобы купить чизбургеры, картофель фри, пирожки с яблочной начинкой и ванильный молочный коктейль.

Ушедший день лежал, закатанный в асфальт. Невидимый, он все равно давал о себе знать, его призрак разгуливал по аризонской ночи: горячая душа поднималась с каждого квадратного дюйма, которые пересекал Дилан.

Здесь, на окраине города, обслуживающего путешественников с проходящей мимо национальной автострады, множество огромных многоцветных вывесок зазывали клиентов. Но несмотря на источаемый ими свет, звезды все равно сверкали от горизонта к горизонту в чистом и сухом воздухе. А по звездному океану, держа курс на запад, величественно плыла круглая, словно корабельный штурвал, луна.

Бескрайние просторы над головой казались чистенькими и полными надежд, а вот земля под ногами выглядела пыльной и утомленной. И ночь, вместо одного ветра, подметали множество ветерков, каждый с уникальным запахом и шепчущий что-то свое. «Благоухающий» пылью пустыни, пыльной кактусов, выхлопами дизельных двигателей, горячим асфальтом, воздух сгущался по мере приближения Дилана к ресторану, пропитываясь запахами долго используемого масла для жарки, жира гамбургеров, дымящегося на гриле, жареного лука, по плотности приближаясь к черному туману.

Если бы он более-менее знал этот город, если бы не устал после долгого, проведенного в дороге дня, если бы его младший брат, Шеперд, не увлекся пазлом, Дилан наверняка поискал бы ресторан с более здоровой пищей. Но Шеп в настоящий момент не мог общаться с людьми, а пребывая в таком состоянии, ел только пищу с высоким содержанием жира.

Внутри ресторан освещался еще ярче, чем снаружи. В большинстве своем поверхности сияли белизной, и, несмотря на пропитанный жиром воздух, все помещение чистотой могло соперничать с операционной.

Современная культура подходила Дилану О'Коннеру, как трехпалая перчатка, здешний ресторан относился к тем заведениям, где перчатка эта начинала жать. Он полагал, что гамбургерная забегаловка должна выглядеть как забегаловка, а не навевать мысли о хирургии или походить на детскую с картинками клоунов и забавных животных по стенам, не должна имитировать бамбуковый павильон на тропическом острове или представлять собой сверкающую пластиком копию придорожного ресторана 1950-х годов, каких никогда не было. Если уж ты хочешь есть зажаренную котлету из говядины, сочащуюся жиром, если хочешь грызть ломтики картофеля, которые после пребывания в кипящем масле хрустят, как древний папирус, если хочешь запивать все это ледяным пивом или молочным коктейлем, в котором калорий никак не меньше, чем в поджаренной целиком свинье, то потреблять такую пищу надобно в неухоженном месте, однозначно указывающем на то, что это запретное удовольствие, а возможно, и грех. Свет должен быть приглушенным и теплым. Поверхности – темными, предпочтение Дилан отдавал красному дереву, потускневшей бронзе, обивке цвета красного вина. И музыка должна успокаивать желание нажраться от пуза, а не разжигать аппетит, исполняемая музыкантами, которые сидят на прозаке и при этом извлекают из своих инструментов звуки такие же плотские, как еда. Нет, тут подошел бы ранний рок-н-ролл или свинг в исполнении больших оркестров, а может, хорошая музыка стиля кантри, что-нибудь об искушении, угрызениях совести и любимых собаках.

Тем не менее он пересек выложенный керамической плиткой пол, направляясь к прилавку из нержавеющей стали, за которым его поджидала полная женщина с седыми волосами, чистенькая, в полосатой розово-белой униформе, вылитая миссис Санта-Клаус. Он бы нисколько не удивился, увидев выглядывающего из ее нагрудного кармана эльфа.

В стародавние времена за прилавками ресторанов быстрого обслуживания стояли исключительно подростки. Однако в последние годы все более значительное количество юношей и девушек полагали такую работу зазорной для себя, и на их место пришли пенсионеры, ищущие возможности обеспечить себе прибавку к социальному пособию по старости.

Миссис Санта-Клаус приняла заказ Дилана, назвала его «дорогой», сложила все, что он хотел приобрести, в два белых бумажных пакета, перегнулась через прилавок, чтобы прикрепить к его рубашке круглый значок-пуговицу очередной рекламной кампании. Значок украшали слоган «FRIES – NOT FLIES» и улыбающаяся зеленая мордашка мультяшной жабы, отказ которой от традиционного рациона своих братьев и сестер в пользу таких деликатесов, как чизбургеры с беконом весом в полфунта и являлся основой текущей рекламной кампании сети ресторанов быстрого обслуживания.

Вновь Дилан почувствовал на своей руке трехпалую перчатку: никак он не мог понять, зачем ему мнение мультяшной жабы, или спортивной знаменитости, или даже лауреата Нобелевской премии, когда вставал вопрос, а что ему съесть на обед. Более того, он не понимал, почему рекламный слоган, сообщающий о том, что приготовленный в ресторане картофель фри вкуснее мух, должен повлиять на его выбор. Он и по запаху знал, что обжаренные в масле ломтики картофеля лучше даже целого пакета насекомых.

Но претензии к жабе он оставил при себе еще и потому, что в последнее время начал замечать: многие пустяки вызывают у него раздражение. И понимал: если не станет более терпимым, то к тридцати пяти годам определенно превратится в грубияна, которых и так хватало вокруг. Он улыбнулся миссис Санта-Клаус и поблагодарил ее, чтобы не портить себе следующее Рождество.

Выйдя из ресторана под большую луну, пересекая три полосы шоссе на пути к мотелю, с двумя пакетами, наполненными несколькими видами ароматного холестерина, Дилан напомнил себе, что среди прочего должен быть благодарен если не богу, то природе за хорошее здоровье, крепкие зубы, густые волосы, молодость. Ему исполнилось только двадцать девять. Он был талантливым художником, и работа его приносила людям радость, а ему доставляла наслаждение. И хотя богатство ему не грозило, он достаточно часто продавал свои картины, чтобы оплачивать текущие расходы и каждый месяц пополнять на небольшую сумму свой банковский счет. Лицо его не обезображивали шрамы, он не страдал грибковым заболеванием, ему не досаждал злобный брат-близнец, у него не бывало приступов амнезии, после которых он приходил бы в себя с окровавленными руками.

И у него был Шеперд. Благословение и проклятие одновременно. Когда Шеп был в хорошей форме, Дилан радовался тому, что он жив и у него есть такой брат.

Под красной неоновой вывеской «Мотель» черная тень Дилана проследовала по подкрашенному красным асфальту. Далее он зашагал по бетонным дорожкам, ведущим к номерам мотеля и петляющим между саговых пальм, мясистых кактусов и декоративных кустов, растущих в условиях пустыни. А вот когда миновал жужжащие и мягко шелкающие автоматы, торгующие прохладительными напитками, глубоко погруженный в мысли о семейных узах, его уже преследовали. И действовал преследователь очень профессионально: синхронизировал с жертвой как шаги, так и дыхание. У двери своего номера, держа два пакета в одной руке, а второй выуживая из кармана ключ, Дилан наконец-то услышал издававший преследователя шорох кожаной подошвы о бетон. Повернул голову, скосил глаза, увидел бледное круглое лицо, скорее почувствовал, чем увидел, как что-то по дуге сближается с его черепом.

Как ни странно, удара он не почувствовал, не понял, что падает. Услышал, как зашуршали бумажные пакеты, унюхал жареный лук, теплый сыр, нарезанные маринованные огурчики, осознал, что лежит на бетоне лицом вниз. Оставалось лишь надеяться, что он не разлил молочный коктейль Шепа. А потом перед ним заплясали ломтики картофеля фри.

Глава 2

У Джулиан Джексон было любимое домашнее растение, денежное дерево, и она ухаживала за ним с нежной заботой. Кормила тщательно подобранной смесью питательных веществ в рекомендованных руководствах по уходу за растениями количествах, регулярно опрыскивала водой мясистые, овальной формы, размером с большой палец листья, чтобы смыть с них пыль и сохранить зеленый блеск.

В тот пятничный вечер она ехала из Альбукерке, штат Нью-Мексико, в Финикс, штат Аризона, где на следующей неделе должна была дать три концерта. Джилли сама вела машину, потому что у Фреда отсутствовало как водительское удостоверение, так и конечности, необходимые для управления транспортным средством. Как ни крути, Фред был всего лишь денежным деревом.

Темно-синий «кадиллак-девилль» модели 1956 года был ее любовью на всю жизнь, Фред это понимал и благородно с этим мирился, но он сам, *Crassula argentea* (так Фреда звали при рождении), занимал в списке ее привязанностей почетное второе место. Джилли купила его, когда он представлял собой росток с четырьмя короткими ветками и шестнадцатью толстыми, упругими, как резина, листьями. Торчал из черного пластикового горшка диаметром три дюйма, был клейким на ощупь и выглядел не крошечным и одиноким, но отважным и решительным. Теперь же благодаря ее нежной заботе он подрос до доброго фута, а диаметр его кроны составлял восемнадцать дюймов. Проживал он уже в двенадцатидюймовом терракотовом горшке, а весил, с учетом горшка и земли, двенадцать фунтов.

Из пенопласта Джилли соорудила подставку, отдаленно напоминающую сиденье-пончик, которым обеспечивают в больнице пациентов, перенесших хирургическую операцию по поводу геморроя. Подставка эта не позволяла дну горшка портить обивку пассажирского сиденья и при движении удерживала Фреда в вертикальном положении. В 1956 году «девилль» не комплектовали ремнями безопасности, не было такого ремня и у Джилли, когда она родилась в 1977-м. Однако она снабдила такими ремнями и себя, и Фреда. Поставленный на подставку, привязанный к сиденью, Фред не мог пожаловаться на пренебрежение хозяйки к его безопасности. Ни одно денежное дерево не могло рассчитывать на большее, путешествуя по пустынным районам Нью-Мексико со скоростью восемьдесят с небольшим миль в час.

Расположившись чуть ниже уровня окон, Фред, конечно, не мог оценить красот пустыни, но Джилли подробно рассказывала ему обо всем, что видела перед собой и по сторонам.

Ей нравилось упражнять язык и оттачивать умение описывать увиденное. Если бы ей не удалось конвертировать выступления в сомнительных коктейль-холлах и второразрядных клубах в карьеру первоклассного комика, у нее имелся и запасной вариант: начать писать романы-бестселлеры.

Даже в самые трудные времена большинство людей сохраняли надежду на лучшее, но Джулиан Джексон настаивала на том, что надеяться нужно всегда, черпала из надежды не меньше сил и энергии, чем из еды. Три года тому назад, когда она работала официанткой, делила квартиру с тремя другими молодыми женщинами, чтобы уменьшить расходы, ела лишь дважды в день, ее бесплатно кормили в ресторане, где она обслуживала клиентов, до того, как первый раз получила приглашение выйти на сцену, надежда циркулировала в ее крови точно так же, как эритроциты, лейкоциты или тромбоциты. Некоторых людей такие грандиозные планы могли напугать, но Джилли верила, что надежда и трудолюбие принесут ей все, чего она хотела.

Все, кроме достойного мужчины, мужчины ее мечты.

И теперь, когда уходящий день медленно, но верно катился к вечеру, по пути из Лос-Лунаса в Сокорро, от Сокорро в Лас-Крусес, во время долгого ожидания на таможенном пункте

к востоку от Акелы, где в этот день инспектора отнеслись к своей работе с куда большей серьезностью, чем в предыдущие и, скорее всего, во многие последующие, Джилли думала о мужчинах в своей жизни. Романтические отношения у нее были только с тремя, но теперь она полагала, что именно с этими тремя мужчинами каких-либо отношений она могла и избежать. Далее дорога привела ее в Лордсбург, к северу от Пирамидальных гор, в Роуд-Форкс, штат Нью-Мексико, потом она пересекла границу штата, продолжая размышлять о прошлом, стараясь понять, где она поступила неправильно в каждом из вышеупомянутых случаев романтических отношений.

Соглашаясь всякий раз признать в разрыве свою вину, она тем не менее продолжала анализировать собственное поведение с тщательностью специалиста саперного полицейского подразделения, решающего, какой проводок нужно перерезать, чтобы предотвратить взрыв заложенной бомбы, и приходила к выводу, далеко не впервые, что в основном вина за разрыв лежала не на ней, а на этих слабаках-мужчинах, которым она доверилась. Они были предателями. Обманщиками. Она подвергала все свои аргументы сомнению, смотрела на мужчин через самые розовые очки, но они все равно оставались свиньями, тремя маленькими поросятами, которые демонстрировали все худшие свинские черты и ни одной лучшей. Если бы большой злой волк показался у дверей их соломенного домика, соседи бы только порадовались, увидев, как он, дунув, разнес домик по соломинкам, а потом предложили бы ему хорошего вина, чтобы запить сытный обед.

– Я злобная, мстительная сука, – заявила Джилли.

Своим деликатным, дружелюбным молчанием Фред с ней не согласился.

– Встречу ли я когда-нибудь достойного мужчину? – задалась она вопросом.

И хотя Фред обладал целым букетом положительных качеств: терпеливостью, спокойствием, никогда не жаловался, умел слушать и сочувствовать, как никто другой, не говоря уже о крепкой и здоровой корневой системе, он никогда не причислял себя к ясновидящим. И не мог знать, придет ли день, когда Джилли встретит достойного мужчину. Фред верил: чему быть, того не миновать. Как и другим представителям живой природы, лишенным собственных средств передвижения, ему не оставалось ничего другого, как полагаться на судьбу и надежду на лучшее.

– Разумеется, я встречу достойного мужчину, – решила Джилли со столь характерным для нее внезапным всплеском надежды. – Я встречу не одного достойного мужчину, десятки, сотни. – Меланхолический вздох сорвался с ее губ, когда она нажала на педаль тормоза, реагируя на транспортную пробку, возникшую на западных полосах автострады 10. – Вопрос не в том, встречу ли я действительно достойного мужчину. Вопрос в том, сумею ли я распознать его, если он прибудет не в окружении ангелов и без вспыхивающего над головой нимба: «ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ, ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ, ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ».

Джулиан не увидела улыбки Фреда, но почувствовала ее, двух мнений тут быть не могло.

– Нет, нужно смотреть фактам в лицо, – простонала она. – Когда дело доходит до мужчин, я такая наивная и меня легко сбить с толку.

Фред узнавал правду, когда слышал ее. Мудрый Фред. Спокойствие, с которым он встретил признание Джилли, кардинально отличалось от молчаливого несогласия, которое он выражал, слыша, как его хозяйка называет себя злобной, мстительной сукой.

Автомобили встали.

Королевски-пурпурные сумерки и начало ночи они провели в еще одной длинной очереди, на этот раз у Аризонской станции контроля сельскохозяйственной продукции, расположенной восточнее Сан-Симона, на которой в тот день работали правоохранительные ведомства не только штата, но и федеральные. Помимо сотрудников министерства сельского хозяйства, автомобили досматривали несколько агентов в штатском с колючими взглядами, определенно из организации, которая лишь в малой степени интересовалась плодоовощной продукцией,

и искали они что-то более вредное, чем плодовую мушку в контрабандных апельсинах. Во всяком случае, автомобиль Джилли они обыскивали так, будто не сомневались, что она везет с собой пару пистолетов и автомат, засунутые под переднее сиденье, и на Фреда поглядывали очень уж подозрительно, предполагая его ближневосточное происхождение, радикальные политические взгляды и злые намерения.

Но даже эти суровые мужчины, имеющие основания видеть в каждом путешественнике злодея, не могли долго считать таковым и Фреда. Они отступили и взмахами рук предложили «девиллю» проследовать через контрольно-пропускной пункт.

Поднимая стекло и придавив педаль газа, Джилли сказала: «Хорошо, что они не бросили тебя в кутузку, Фредди. С деньгами у нас напряженно, на залог могло бы и не хватить».

С милую они проехали в молчании.

Призрачная луна, словно гигантское бельмо, поднялась еще до захода солнца. Теперь же, с наступлением ночи, циклопический глаз заметно прибавил в яркости.

– Может, беседа с растением – это уже не эксцентричность, – размышляла Джилли. – Может, у меня поехала крыша.

К северу и югу от автострады лежала темная пустыня. Холодный лунный свет не мог разогнать печаль, в которую она погрузилась после захода солнца.

– Извини, Фред. Нехорошо так говорить.

Маленькое денежное дерево, при всей его гордости, умело прощать. Трое мужчин, с которыми Джилли познавала, как выяснилось, темную сторону романтики, без промедления извратили бы любую, самую невинную фразу, использовали бы против Джилли, с тем чтобы вызвать у нее чувство вины, а себя представить страдающей жертвой ее нереальных ожиданий. Фред, благослови его господи, никогда не играл в такие игры.

Какое-то время они ехали в дружеской тишине, экономя топливо за счет разрежения воздуха в «мешке», который образовался за громадным, несущимся на полной скорости «петербилтом». Судя по надписям на задних дверях трейлера, он вез мороженое людям, мучившимся от жары к западу от Нью-Мексико.

Когда они подъехали к городу, сверкающему вывесками мотелей и заправочных станций, Джилли свернула с автострады. На бензозаправке залила полный бак. Чуть дальше, на той же улице, купила обед в ресторане быстрого обслуживания. Седовласая женщина, стоявшая за прилавком, милая и веселая, словно бабушка из диснеевского фильма 1960-х годов, настояла на том, чтобы прикрепить к блузке Джилли значок-пуговицу с улыбающейся жабой.

Ресторан показался Джилли таким чистым, что в зале вполне могли бы провести операцию коронарного шунтирования в том случае, если б у кого-нибудь из пациентов, откушавших двойной чизбургер с беконом, холестериновые бляшки полностью заблокировали бы пару-тройку артерий. Однако одной только чистоты не хватило, чтобы побудить Джилли пообедать за одним из маленьких пластиковых столиков под таким ярким светом, что он мог вызвать генетические мутации.

На автостоянке в «девилле» Джилли ела куриный сэндвич и картофель фри и вместе с Фредом слушала свое любимое ток-шоу, основными темами которого были визуальные наблюдения НЛО, встречи со злыми инопланетянами, охочими до земных женщин, снежный человек (плюс недавно увиденный детеныш, маленький снежный человечек), путешественники во времени из далекого будущего, которые построили пирамиды по неизвестным, но, несомненно, не сулящим ничего хорошего человечеству причинам. В тот вечер ведущий ток-шоу, Пэриш Лантерн, с характерным прокуренным голосом, и его слушатели обсуждали угрозу, которую несли с собой высасывающие мозги пиявки, попадающие в наш мир из параллельной реальности.

Никто из слушателей, которые звонили в студию, ни слова не говорил о фанатичных исламских радикалах, готовых уничтожить цивилизацию ради того, чтобы править миром, что, безусловно, радовало. Угнездившись на затылочной доле, мозговая пиявка вроде бы установ-

ливала контроль над человеком-пленником, овладевала его разумом, использовала его тело как собственное. Эти существа наверняка были склизкими и отвратительными, но Джилли успокаивалась, слушая, как Пэриш и слушатели его передачи обсуждают их. Даже если мозговые пиявки существовали на самом деле, во что она не могла заставить себя поверить, их она, по крайней мере, понимала: генетически заложенную в них программу покорять другие существа, паразитическую натуру. С другой стороны, человеческое зло редко, а может, и никогда не находило простого биологического объяснения.

Фреду доставало мозга, который мог бы послужить кондоминиумом для пиявки, поэтому он слушал передачу, не опасаясь за собственную безопасность.

Джилли думала, что перерыв на обед освежит ее, но, покончив с едой, поняла, что усталость никуда не делась. Ее ждала четырехчасовая поездка по пустыне до Финикса, часть пути предстояло проехать в компании с параноидальными, но успокаивающими фантазиями Пэриша Лантерна. Учитывая навалившуюся сонливость, она могла просто слететь с трассы.

Через лобовое стекло Джилли увидела мотель на другой стороне дороги.

– Если они не разрешают брать в номер домашних любимцев, я пронесу тебя тайком, – пообещала она Фреду.

Глава 3

Складывание картинки-головоломки – один из способов времяпрепровождения для человека, страдающего психическим расстройством и, соответственно, подверженного острым и неконтролируемым приступам навязчивости.

Трагическое душевное состояние Шеперда наделяло его огромным преимуществом, когда он полностью сосредотачивался на пазле. В настоящее время он собирал картинку японского храма синто, окруженного вишневыми деревьями.

И хотя начал собирать ее, состоящую из двух с половиной тысяч элементов, лишь после того, как он и Дилан вселились в номер мотеля, более трети элементов уже заняли положенные им места. Покончив с четырьмя углами, Шеп решительно продвигался к центру картинки.

Мальчик, Дилан по-прежнему воспринимал своего брата как мальчика, пусть Шепу перевалило за двадцать, сидел за столом, освещенный настольной лампой. Левую руку он приподнял, и кисть постоянно колыхалась, словно он махал ею своему отражению в зеркале, что висело над столом. Но на самом деле его взгляд перемещался лишь от картинки-головоломки к элементам пазла, лежавшим в коробке. Скорее всего, он понятия не имел о движениях левой кисти, не контролировал ее.

Тиши, подергивания и другие причудливые повторяющиеся движения являлись симптомами состояния Шепы. Иногда он застывал, как бронзовая отливка, оставался неподвижным, словно мраморный памятник, забывал даже моргать, но куда как чаще часами дергал или шевелил пальцами, покачивал ногой, положенной на другую ногу, или выбивал подошвами чечетку.

Дилан, с другой стороны, был так крепко привязан к стулу с прямой высокой спинкой, что не мог ни махнуть рукой, ни покачнуться, ни даже повернуться. Многие и многие слои изоляционной ленты шириной в дюйм охватывали его лодыжки, намертво привязав их к передним ножкам стула. Такая же лента обеспечивала не менее надежный контакт его запястий и предплечий с подлокотниками стула. Правую руку привязали ладонью вниз, левую – вверх.

Пока он был без сознания, в рот ему запихнули кусок какой-то материи. Губы запечатали все той же изоляционной лентой.

Дилан очнулся лишь две или три минуты тому назад и еще не мог соединить те кусочки зловещего пазла, который открылся его глазам. Представить себе не мог, кто на него напал и почему.

Дважды, когда он пытался развернуться, чтобы посмотреть на две кровати и ванную, находившиеся у него за спиной, тычки в голову, нанесенные его врагом, сводили любопытство на нет. Легкие тычки, но по тому месту, которое недавно подверглось куда более сильному воздействию, так что оба раза Дилан едва не терял сознание. К сожалению, Шеп не воспринял бы ни громкого, во всю мощь легких, крика, ни шепота. Даже в лучшие свои дни он редко реагировал как на Дилана, так и на кого-то еще, а уж в те моменты, когда он собирал пазл, этот мир становился для него куда менее реальным, чем двухмерная наборная картинка-головоломка.

Не дергающейся правой рукой Шеп брал из коробки амeboподобный картонный элемент, смотрел на него, откладывал в сторону. Тут же брал другой, мгновенно находил место для него, устанавливал, потом второй, третий, и все это за полминуты. Он, похоже, не сомневался, что, кроме него, в комнате никого нет.

Сердце Дилана колотилось о ребра с такой силой, словно проверяло прочность их конструкции. Каждый удар отдавался болью в той части черепа, на которую пришелся оглушивший его удар. Он балансировал на грани обморока, кляп во рту пульсировал прямо-таки как живое существо, усиливая и без того подкатывающую к горлу тошноту.

Испуганный до невероятности – вроде бы такие крупные парни, как Дилан, просто не могли пугаться до такой степени, – нисколько не стыдясь своего страха, полностью признавая,

что он превратился в большого перепуганного мальчика, Дилан твердо знал только одно: двадцать девять лет – слишком юный возраст для смерти. Впрочем, будь ему девяносто девять, он бы с пеной у рта доказывал, что средний возраст начинается за пределами первых ста лет.

Смерть никогда не привлекала его. Он не понимал тех, кто увлекался готической субкультурой и искал романтического отождествления с живыми мертвецами, не находил в вампирах ничего сексуального. Гангста-рэп, с его восхвалением убийств и жестокости по отношению к женщинам, не заставлял его ноги пускаться в пляс. Он не любил фильмов, основными сюжетными линиями которых являлись потрошение и обезглавливание людей. Помимо прочего, они определенно портили вкус попкорна. Он полагал, что никогда не встанет на путь хиппи. Его судьба – навечно оставаться консервативным, как подсоленный крекер. Но перспектива навечно остаться консервативным нисколько не волновала его, в отличие от другой перспективы: умереть здесь и сейчас.

Пусть испуганный, он тем не менее не расставался с надеждой. Если бы нападавший намеревался убить его, он бы уже остывал и температура тела стремилась к температуре воздуха в номере. Но его связали и вставили в рот кляп, следовательно, нападавший строил в отношении его другие планы.

Первой пришла мысль о пытках. Но Дилан никогда не слышал о том, чтобы людей пытали до смерти в номерах сети мотелей, накрывшей всю страну, во всяком случае, регулярно такого не случалось. Психопаты-убийцы, должно быть, чувствовали себя неудобно, занимаясь своим кровавым делом в местах, где одновременно мог проходить конгресс ротарианцев. За долгие годы странствий его жалобы на условия проживания в мотелях этой сети ограничивались исключительно плохой уборкой, забывчивостью портье, не будивших его в нужное время, да отвратительной едой в кафетериях. Тем не менее, как только пытка открыла дверь и вошла в его разум, она выдвинула из-под стола стул, села и, похоже, не желала уходить.

Дилана несколько успокаивал и тот факт, что оглушивший его незнакомец не тронул Шеперда. Не стал ни обездвигивать его, ни засовывать в рот кляп. Из этого следовало, что злодей, кем бы он ни был, правильно оценил психическое состояние Шеперда и понял, что увлеченный пазлом юноша не представляет никакой угрозы.

Истинный социопат все равно избавился бы от Шепы или ради удовольствия, которое доставляло ему любое убийство, или для того, чтобы не допускать отклонений от лелеемого образа беспощадного убийцы. Маньяки, скорее всего, как все современные американцы, не сомневались, что поддержание высокой самооценки – неременный атрибут крепкого психического здоровья.

Всё новые элементы картинки вставляли на место, каждый с ритуальным кивком и придавливанием большим пальцем правой руки. Шеперд с невероятной скоростью заполнял пустующее пространство, добавляя по шесть-семь элементов в минуту.

Затуманенный взор Дилана очистился, стремление вырвать исчезло. Обычно такие изменения поднимали ему настроение, но на этот раз он понимал, что настроение у него не поднимется до тех пор, пока он не узнает, чего от него хотят и кто хочет.

Гулко бьющееся сердце и гудение от ускоренного потока крови через барабанные перепонки создавали фон, который заглушал негромкие звуки, издаваемые незванным гостем. Возможно, этот парень ел принесенный им, Диланом, обед... или подготавливал к работе бензопилу, прежде чем включить ее.

Дилан сидел под углом к зеркалу, висевшему над столом, поэтому мог видеть отражение только части находившейся за ним комнаты. Наблюдая за братом, за огромной картинкой-головоломкой, краем глаза он улавливал движение в зеркале, но, когда поворачивал глаза, фантом исчезал из поля зрения.

Когда нападавший вышел из-за спины и позволил разглядеть себя, угрозы в нем было не больше, чем в пятидесятилетнем или чуть старше хормейстере, который получал истинное

наслаждение, слушая, как вверенный ему хор слаженно исполняет церковные псалмы. Покатые плечи. Приличный животик. Редеющие седые волосы. Маленькие, аккуратные уши. Розовое, полное лицо, миролюбивое, как буханка белого хлеба. В выцветших синих глазах читалось сочувствие, они открывали душу слишком кроткую, чтобы в ней родилась хотя бы одна злобная мысль.

Он являл собой тип классического антизлодея, на губах играла добрая улыбка, в руке он держал гибкую резиновую трубку. Напоминающую змею. Длиной в два или три фута. Не такой уж и страшный предмет в сравнении, скажем, с ножом, обладающим острым как бритва выкидным лезвием. Но если нож с выкидным лезвием можно было использовать для того, чтобы очистить яблоко от кожуры, в этот критический момент Дилан не смог сообразить, какое столь же невинное занятие нашлось бы для резиновой трубки диаметром в полдюйма.

Богатое воображение, которое помогало Дилану в его творчестве, нарисовало только две абсурдные картинки: принудительное кормление через нос и колоноскопия, которая проводилась определенно не через нос.

Его тревога не утихла, когда он понял, что резиновая трубка – жгут. Теперь он знал, почему его левая рука зафиксирована ладонью вверх.

Когда он запротестовал сквозь пропитавшийся слюной кляп и изоляционную ленту, голос его прозвучал столь же ясно и отчетливо, как и голос заживо погребенного человека, доносящийся из-под крышки гроба сквозь шестифутовый слой земли.

– Спокойно, сынок. Спокойно, – заговорил незванный гость не грубым и хриплым голосом ночного налетчика-убийцы, а мягко и сочувственно, как сельский доктор, готовый вылечить пациента от любой болезни. – Все у тебя будет хорошо.

И одет он был как сельский доктор, реликт давно ушедшего века, который Норман Рокуэлл запечатлел в обложечных иллюстрациях «Сэтедей ивнинг пост». Его туфли из кордовой кожи блестели, коричневато-желтые брюки висели на подтяжках. Пиджак он снял, рукава рубашки закатал, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил узел галстука, не хватало только болтающегося на груди стетоскопа, чтобы получить законченный образ сельского доктора, приехавшего на один из последних за день домашних вызовов, доброго лекаря, которого все знают исключительно как Дока.

Рубашка Дилана с коротким рукавом упростила наложение жгута. Резиновая трубка, завязанная узлом на левом бицепсе, тут же привела ко вздутию вены.

Легонько похлопав пальцем по увеличившемуся в размерах кровяному сосуду, Док пробормотал: «Прекрасно, прекрасно».

Вынужденный дышать и выдыхать исключительно через нос – рот запечатали кляп и изоляционная лента, – Дилан мог слышать унижительные свидетельства своего нарастающего страха: свистящее дыхание его становилось все более громким и частым.

Ватным шариком, смоченным в медицинском антисептическом растворе, доктор протер нужную ему вену.

Шеп, одной рукой приветствующий неизвестно кого, а второй устанавливающий элемент за элементом в картинку-головоломку, улыбающийся незванный гость, готовящий пациента к инъекции, мерзкий вкус кляпа во рту, резкий запах спирта, давление изоляционной ленты на лодыжки и запястья, все пять чувств Дилана участвовали в фиксации происходящего вокруг, поэтому не имело смысла тешить себя мыслью о том, что это сон. Тем не менее Дилан не раз и не два закрывал глаза и мысленно щипал себя... однако, вновь открыв их, начинал дышать еще чаще, поскольку кошмар оборачивался реальностью.

Шприц, конечно же, не мог быть столь огромным, каким казался. Инструмент таких размеров следовало использовать для инъекций слонам или носорогам, но никак не людям.

Прижав подушечкой большого пальца правой руки свободный торец поршня, Док надавил на него, выгоняя из иглы воздух, крепко держа шприц за цилиндр. Тоненькая золотистая струйка сверкнула в свете настольной лампы.

С глухими протестующими криками Дилан пытался разорвать путы, раскачивая стул из стороны в сторону.

– Так или иначе, – добродушно заметил доктор, – я намерен сделать вам укол.

Дилан решительно замотал головой.

– Эта субстанция вас не убьет, а вот сопротивление – может.

«Субстанция». Если раньше Дилана возмущала мысль о том, что ему введут в вену какое-то лекарство или запрещенный наркотик... а может, токсическое вещество, яд, кровяную сыворотку, зараженную ужасной болезнью, то теперь, когда речь зашла о субстанции, возмущение только возросло. Это слово подразумевало беззаботное, небрежное злодейство. Изверга, собравшегося ввести ему эту самую субстанцию, совершенно не заботило, что именно он вводит в вену своей жертве. Субстанция! В данном конкретном случае под субстанцией понималась золотистая жидкость в шприце, которая могла оказаться более экзотической, чем просто наркотик, или яд, или заразная сыворотка. Она могла быть уникальной, загадочной, возможно даже не имеющей названия. Если ты знал только одно: улыбающийся, розовощекий, безумный врач накачал тебя субстанцией, тогда хорошие, заботливые и не безумные врачи в больнице скорой помощи не будут знать, какое противоядие или антибиотик нужно дать пациенту, потому что в их арсенале нет средств противодействия субстанции.

Наблюдая, как Дилан безо всякого успеха пытается освободиться от пут, маньяк со шприцем, полным субстанцией, поцокал языком и осуждающе покачал головой.

– Если вы будете продолжать упорствовать, я могу порвать вам вену... или случайно ввести в кровь пузырек воздуха, что приведет к эмболии. Эмболия вас точно убьет, самое меньшее – превратит в растение. – Он указал на Шепу, продолжавшего собирать картинку-головоломку. – С головой у вас будет еще хуже, чем у него.

Подводя итоги редких, но случавшихся у него черных дней, Дилан иногда завидовал отстраненности брата от тревог этого мира (если Шеп ни за что не отвечал, то у Дилана забот хватало, в том числе и о самом Шепе), но превращаться в растение – что по собственному выбору, что благодаря эмболии – ему определенно не хотелось.

Глядя на сверкающую иглу, Дилан прекратил сопротивление. На лице выступил пот. Шумно вдыхая, с силой выдыхая, он фыркал, как пробежавшая немалую дистанцию лошадь. Разболелась голова, не только в том месте, на которое пришелся удар, но и по всей ширине лба. Сопротивление было фатальным, не приносящим никакого результата, по существу, глупым. Поскольку инъекции избежать он не мог, оставалось только с достоинством принять в себя эту мерзкую субстанцию и надеяться, что она не окажется для него смертельной, смириться с неизбежным, выискивать шанс освободиться (при условии, что после инъекции он не потеряет сознание) или получить помощь извне.

– Так-то лучше, сынок. Самое мудрое решение – покончить с этим как можно быстрее. Ты даже не почувствуешь укола, как при прививке против гриппа. Можешь мне довериться.

«Можешь мне довериться».

Они так далеко ушли в сюрреалистический мир, что Дилан не удивился бы, если б мебель начала терять прямые формы и изгибаться, как объекты на картинах Сальвадора Дали.

Продолжая мечтательно улыбаться, незнакомец ловко направил иглу в вену и тут же выпустил жгут, выполнив обещание не причинять боли.

Верхняя часть подушечки большого пальца, нажимающего на поршень, чуть покраснела.

И тут Док произнес фразу, объединив в ней, казалось бы, несочетаемые слова:

– Я ввожу тебе работу всей моей жизни.

Второй, находящийся в цилиндре конец поршня медленно двинулся к нижнему торцу, выдавливая золотистую жидкость в иглу.

– Ты, вероятно, задаешься вопросом, что это за субстанция вливается в тебя.

«Прекрати называть это дерьмо СУБСТАНЦИЕЙ!» – заорал бы Дилан, если бы ему не мешала неидентифицированная часть его одежды во рту.

– Невозможно сказать, как подействует она на тебя.

Хотя игла была самая обычная, Дилан понял, что насчет размеров шприца он не ошибся. Шприц определенно предназначался не для людей. Судя по шкале на пластиковом цилиндре, он вмещал восемнадцать кубических сантиметров, а такие дозы прописывались скорее не врачом, а ветеринаром пациенту, вес которого превышал шестьсот фунтов.

– Это психотропная субстанция.

Необычное слово, даже экзотическое, но Дилан подозревал, что понял бы, что оно означает, если бы имел возможность проанализировать его в спокойной обстановке. Но растянутые челюсти болели, напивавшийся слюной тряпичный шар во рту начал эту самую слюну выделять, и она грозила залить горло. Губы горели под изоляционной лентой, страх поднимался изнутри при виде уменьшающегося количества загадочной золотистой жидкости в шприце и соответственно увеличивающегося в его крови. К тому же Дилана сильно раздражала по-прежнему дергающаяся левая рука Шепы, пусть он мог лишь краем глаза смотреть на брата. При таких обстоятельствах ни о каком анализе речи быть не могло. Отрикошетив от его сознания, слово «психотропная» осталось гладким и непрошибаемым, как стальной шарик подшипника, вылетевший из пушки настольной игры и теперь мечущийся по всему полю, отскакивая от одной поверхности к другой.

– На каждого человека она действует по-разному. – В голосе Дока слышалось любопытство ученого, которое порадовало Дилана не больше, чем осколки стекла, найди он их в горшочке с медом. Хотя этот человек и выглядел как сельский доктор, что-то в нем было от Виктора фон Франкенштейна. – Эффект всякий раз, без единого исключения, интересный, часто потрясающий, иногда положительный.

Интересный, потрясающий, иногда положительный. Да, не похоже на работу всей жизни, скажем, Джонаса Солка. Док, судя по всему, был достойным продолжателем традиций безумной, антигуманистической нацистской науки.

Последний кубический сантиметр жидкости перекочевал из цилиндра шприца в иглу, а оттуда – в вену Дилана.

Он ожидал, что ощутит жжение в вене, ужасный химический жар, который быстро распространится по всей системе кровообращения, но ничего в нем не вспыхнуло. Не почувствовал он и ледяного холода. Он думал, что тут же начнет галлюцинировать, сходить с ума, ощущая, как паучьи лапки бегают по нежной поверхности его мозга, услышит голоса фантомов, эхом отражающиеся от черепа, начнет биться в судорогах, его сокрушит тошнота или головокружение, на ладонях вдруг вырастут волосы, глаза вылезут из орбит, но инъекция не дала никакого заметного эффекта... разве что воображение Дилана разыгралось, как никогда прежде.

Док вытащил иглу.

На коже следом за ней выступила единственная капелька крови.

– Один из двоих должен заплатить долг, – пробормотал Док скорее себе, чем Дилану. Для последнего фраза эта не имела ровно никакого смысла. А Док вновь исчез из виду, отступив за спину Дилана.

Алая жемчужина дрожала на сгибе левой руки Дилана, пульсируя в такт с быстро бьющимся сердцем, через которое совсем недавно проскочила в последний раз. Дилану хотелось засосать ее обратно сквозь ранку от иглы, поскольку он не сомневался, что в грядущей борьбе

за выживание каждая капелька здоровой крови может оказаться полезной для противостояния введенной в него субстанции, какой бы она ни была.

– Но оплата долгов – это не духи. – Док вновь появился в поле зрения с полоской бактерицидного пластыря. Продолжая говорить, снял с нее обертку. – Она не замаскирует вонь предательства. А что замаскирует?

Вроде бы он обращался к Дилану, но определенно говорил загадками. Его серьезные слова требовали и серьезного голоса, но тон оставался легким, а на лице по-прежнему блуждала улыбка лунатика, становилась шире, практически сходила на нет, снова расширялась, прямо-таки как пламя свечи, изменяющееся от дуновений ветерка.

– Совесть так долго грызла меня, что ей удалось пожрать мое сердце. На его месте – пустота.

Оставшись без сердца, организм Дока, однако, продолжал функционировать в обычном режиме. Удалив обе защитные наклейки, Док накрыл полоской пластыря ранку с капелькой крови.

– Я хочу, чтобы меня простили за содеянное. Без прощения нельзя жить в мире с самим собой. Вы понимаете?

И хотя Дилан ничего не понимал в том, что говорит этот маньяк, он кивнул из опасения, что малейший признак несогласия вызовет психопатический взрыв и место шприца займет топор.

Голос мужчины оставался мягким, но душевная боль лишила его всех эмоций, хотя улыбка, что странно, продолжала блуждать по лицу.

– Я хочу, чтобы меня простили, хочу отринуть то ужасное, что сделал, мне хотелось бы честно сказать, что никогда больше я такого не сделаю, если представится возможность заново прожить свою жизнь. Но угрызения совести – это все, на что я способен. Получив второй шанс, я бы сделал это снова, сделал снова и провел бы еще пятнадцать лет, мучаясь чувством вины.

Капелька крови пропитала полоску пластыря, образовав на наружной поверхности темно-красное пятно. Этот пластырь предназначался для детей, а потому на наружной поверхности улыбалась мультяшная собака, то ли для того, чтобы поднять настроение Дилана, то ли чтобы отвлечь от свалившейся на него беды.

– Я слишком горд, чтобы хитрить. Это проблема. Да, мне известны мои недостатки, я их очень хорошо знаю, но это не значит, что я могу их исправить. Для этого уже слишком поздно. Слишком поздно, слишком поздно.

Бросив обертку полоски пластыря в маленькую мусорную корзинку, стоявшую у стола, Док сунул руку в карман брюк и достал нож.

И хотя в обычной ситуации Дилан никогда не назвал бы этот обычный перочинный ножик оружием, в тот момент ему на ум пришло это угрожающее существительное. Доку не требовался кинжал или мачете, чтобы перерезать ему сонную артерию. Вполне хватило бы и перочинного ножика.

Док сменил тему, переключившись с неопределенных грехов прошлого на более животрепещущие проблемы.

– Они хотят убить меня и уничтожить мою работу.

Ногтем большого пальца он раскрыл лезвие.

Улыбка наконец-то сползла с его круглого лица, Док нахмурился.

– В эту самую минуту ловушка может захлопнуться.

Дилан предположил, что под ловушкой может подразумеваться большая доза аминазина, смиренная рубашка и люди в белых халатах.

Свет лампы отражался от полированного стального лезвия перочинного ножа.

– Выбраться из нее мне не под силу, но будь я проклят, если позволю им уничтожить работу всей моей жизни. Украсть – это одно. С этим я бы смирился. В конце концов, мне и

самому приходилось красть. Но они хотят вычеркнуть из памяти, из архивов, отовсюду, все, чего я добился. Словно меня не существовало.

Хмурясь, Док сжал в кулаке рукоятку перочинного ножика и вогнал лезвие в подлокотник кресла, в долях дюйма от левой кисти пленника.

Дилана это несколько не успокоило. От страха он так дернулся, что оторвал от пола как минимум три ножки стула, возможно, на мгновение и все четыре.

– Они будут здесь через полчаса, может, и раньше, – предупредил Док. – Я, конечно, попытаюсь убежать, но нет смысла тешить себя иллюзиями. Эти мерзавцы, скорее всего, доберутся до меня. А если они найдут хотя бы один пустой шприц, то отрежут весь город от остального мира и проверят всех, одного за другим, пока не выяснят, кому введена эта субстанция. А введена она тебе. Ты – носитель.

Он наклонился, лицо его застыло в нескольких дюймах от лица Дилана. Пахло от Дока пивом и арахисом.

– Тебе бы лучше хорошенько запомнить то, что я сейчас скажу, сынок. Если ты окажешься в карантинной зоне, они тебя обязательно найдут, будь уверен, а когда найдут – убьют. Такой умный парень, как ты, должен сообразить, как воспользоваться этим ножом и освободиться за десять минут, что даст тебе шанс спастись самому, а мне – шанс убраться отсюда, прежде чем ты сможешь дотянуться до меня.

В заторах между зубами Дока застряли кусочки красной шелухи и белой сердцевинки орешков, но признаки безумия в его речи не удавалось найти так же легко, как свидетельства недавней трапезы. В выцветших синих глазах стояла лишь печаль.

Док выпрямился, вновь посмотрел на перочинный ножик, вздохнул.

– В действительности люди они неплохие. На их месте я бы тоже тебя убил. В этой истории есть только один плохой человек – я. Насчет этого сомнений у меня нет.

Он отступил за стул, из поля зрения. Судя по раздававшимся звукам, Док собирал свои вещички, надевал пиджак, готовился к уходу.

Едешь вот на фестиваль искусств в Санта-Фе, где годом раньше продал достаточно картин, чтобы оплатить текущие расходы и прибыль положить в банк, останавливаешься на ночь в чистеньком респектабельном мотеле, покупаешь в известном ресторане быстрого обслуживания обед с безумным избытком калорий, способный вогнать тебя в сон, как лошадиная доза нембутала, потому что хочешь провести тихий вечер за просмотром идиотских телевизионных программ в компании брата, складывающего пазл, а потом хорошо выспаться, но современный мир развалился до такой степени, что ты находишь себя привязанным к креслу, с кляпом во рту, тебя заразили бог знает какой болезнью, да еще ты стал мишенью неизвестных убийц...

Из-за спины раздалось слово Дока, словно он был не только безумцем, но и телепатом:

– Ты не заражен болезнью. Во всяком случае, в том смысле, как ты себе это представляешь. Никаких бактерий, никаких вирусов. То, что я тебе ввел... не передается другим людям. Сынок, если бы я не был таким трусом, я бы сделал инъекцию себе.

Такое заверение не улучшило настроения Дилана.

– К своему стыду, должен сказать, что трусость – еще один недостаток моего характера. Я, конечно же, гений, но не могу служить примером для кого бы то ни было.

Критическая самооценка не произвела особого впечатления на Дилана.

– Как я и объяснял, субстанция в каждом из людей проявляет себя индивидуально. Если она не уничтожит тебя как личность, не лишит способности аналитического мышления, не уменьшит твой ай-кью на шестьдесят пунктов, есть шанс, что она значительно обогатит твою жизнь.

Да, более продолжительное знакомство показывало, что жизнь свела его, Дилана, не с доктором Франкенштейном. Ему выпала честь познакомиться с доктором Сатаной.

– Если она обогатит твою жизнь, тогда я искуплю часть своих грехов. В аду для меня приготовлено местечко, все так, но положительный результат будет компенсацией хотя бы за малую толику совершенных мною ужасных преступлений.

Звякнула цепочка двери номера мотеля, металл чуть скрипнул о металл, когда Док открывал замок.

– Работа всей моей жизни зависит от тебя. Теперь она – это ты. Поэтому, если сможешь, останься в живых.

Дверь открылась. Дверь закрылась.

Уход маньяка, в отличие от его прибытия, насилием не сопровождался.

За столом левая рука Шеп более не дергалась. Теперь он собирал картинку двумя руками. Как слепец, сидящий над книгой Брайля, он, похоже, подушечками пальцев прочитывал форму каждого картонного элемента, если и смотрел на него, то секунду-другую, иной раз вообще не смотрел и с невероятной скоростью или вставлял в положенное место в мозаике, или отбрасывал в сторону.

В напрасной надежде, что осознание нависшей над ними опасности передастся по магическому каналу психической связи между братьями, Дилан попытался крикнуть: «Шеперд!» Пропитанный слюной кляп заглушил большую часть этого крика, а звук, прорвавшийся наружу, мало чем напоминал имя брата. Тем не менее он крикнул второй раз, третий, четвертый, пятый, чтобы привлечь внимание юноши.

Когда Шеп мог общаться с окружающими – случалось это, конечно, не столь часто, как восход солнца, хотя и не так редко, как появление кометы Галлея, – слова изливались из него таким потоком, что в нем можно было утонуть, и Дилан совершенно выматывался, только слушая их. Но обычно Шеп проводил день, не замечая присутствия Дилана. Как сегодня. Как здесь и сейчас. Он видел картинку-головоломку, но не номер мотеля, жил в тени храма синто, наполовину собранного на столе перед ним, дышал ароматом цветущих вишен под синим, как васильки, японским небом. Так что находился слишком далеко от своего брата (отнюдь не в десяти футах), чтобы слышать его глухие крики, видеть покрасневшее лицо, вздувшиеся вены на шее, пульсирующие виски, умоляющие глаза.

Они обретались в одном номере, но в разных мирах.

Перочинный ножик ждал, с лезвием, воткнутом в подлокотник, бросая тот же вызов, что и волшебный меч Эскалибур, упрятанный в каменные ножны. К сожалению, король Артур не мог чудесным образом ожить и перенестись в Аризону, чтобы помочь Дилану извлечь этот меч.

Неизвестная субстанция циркулировала по телу, в любой момент его ай-кью мог упасть на шестьдесят пунктов, а неизвестные убийцы приближались.

Часы у него были электронные, а потому беззвучные, но он все равно слышал их тиканье. Слышал, потому что они отсчитывали оставшиеся в его распоряжении драгоценные секунды.

Шеп же продолжал лихорадочно собирать картинку-головоломку. Обе руки, правая и левая, находились в непрерывном движении, перелетая от картинки к кучке еще не использованных элементов, хватали кусочек синего неба, или вишневого дерева, или самого храма и несли, чтобы установить в положенное место.

– Точка, точка, запятая, – сказал Шеп.

Дилан застонал.

– Точка, точка, запятая, – повторил Шеп.

Если прошлый опыт служил надежным ориентиром, Шеп мог повторить эту фразу сотни, может быть, и тысячи раз в течение последующего получаса, а возможно, и до того момента, когда он бы заснул, скорее ближе к рассвету, чем к полуночи.

– Точка, точка, запятая.

В менее опасных ситуациях, из которых, к счастью, состояла практически вся жизнь Дилана, пока ему не встретился лунатик со шприцом, он иногда нейтрализовал эту повторяемость, придумывая что-нибудь в рифму фразе Шепа.

– Точка, точка, запятая.

«Вышла линия кривая», – подумал Дилан.

– Точка, точка, запятая.

«Не одна она кривая».

– Точка, точка, запятая.

«Я шагаю не хромая».

Привязанный к стулу, с субстанцией в крови, дожидаящийся прибытия убийц... Не время для игры в рифмы. Время для ясного мышления. Время для составления четкого плана и эффективных действий.

Время каким-то образом ухватить нож, как-то, но ухватить и с его помощью освободиться от пут.

– Точка, точка, запятая.

«Мы смеемся, убегая».

Глава 4

В своем неподражаемом зеленом и молчаливом стиле Фред поблагодарил Джилли за еду для растений, которой она покормила его, за тщательно отмеренную порцию воды, которую она вылила на страдающие от жажды корни.

Наслаждаясь полной безопасностью в своем красивом горшке, маленький дружок Джилли раскинул ветви в мягком свете настольной лампы. Он привнес нотку благородства в номер мотеля, выкрашенный в очень уж яркие цвета, свидетельствующие о том, что дизайнер терпеть не мог более приглушенные тона природы. Утром она намеревалась перенести Фреда в ванную, чтобы он постоял там, пока она будет принимать душ. Пар Фред обожал.

– Я думаю о том, чтобы более активно задействовать тебя в моих выступлениях, – сообщила Джилли денежному дереву. – Я придумала новые репризы, которые мы сможем сыграть вместе.

Во время выступления она обычно выносила Фреда на сцену на последние восемь минут, ставила на высокий стул, представляла зрителем как своего последнего кавалера, который не смущал ее на публике и не заставлял стесняться из-за анатомических особенностей тела. Усаживаясь на другой стул рядом с Фредом, она рассуждала о современных романтических отношениях, и Фред являл собой идеального мужчину. Он придавал новое значение понятию «каменное выражение лица» и нравился публике.

– Не волнуйся, я не собираюсь ставить тебя в дурацкого вида горшок или оскорблять твое достоинство, – заверила она Фреда.

Ни одно растение с мясистыми листьями не лучилось такой доверчивостью, как Фред.

Убедившись, что ее дружок накормлен, напоен и всем доволен, Джилли закинула сумку за плечо, взяла пустое пластиковое ведро для льда и вышла из номера, чтобы наполнить ведро льдом и скормить пригоршню четвертаков ближайшему автомату по продаже газированных напитков. В последнее время она запала на рутбир. И хотя предпочитала диетический рутбир с пониженным содержанием сахара, если такого не было, брала любой, какой могла найти, и выпивала за вечер две, иногда три банки или бутылки. Если покупать приходилось сладкий рутбир, утром, в качестве компенсации, она съедала только гренки без масла.

Толстый зад отличал всех ее родственниц по материнской линии. Мать, сестры матери, кузины выглядели стройными и подтянутыми на фотографиях, запечатлевших их подростками, даже двадцатилетними, но потом, скорее раньше, чем позже, каждая будто засовывала в трусы по паре тыкв. Они редко наращивали жир на бедрах или животе, только на глютеус максимус, медиус и минимус, в результате чего эта часть тела становилась, как шутливо заметила ее мать, глютеус мегамаксимус. Это проклятие не передавалось из поколения в поколение у Джексонов, только у Армстронгов, по материнской линии, вместе с лысынами у мужчин и чувством юмора.

Лишь тетя Глория, ныне сорокавосемилетняя, не обзавелась армстронговским задом после того, как ей перевалило за тридцать. Иногда Глория объясняла стройность своей фигуры молитвами Деве Марии, которые возносила с девяти лет. Именно в этом возрасте она осознала, как сильно с годами может раздаться у нее зад. Называла и другую причину – периодическое заигрывание с анорексией. Так или иначе, она до сих пор могла сесть на велосипедное сиденье, а потом слезть с него, не прибегая к помощи проктолога.

Джилли тоже была верующей, но не просила Деву Марию о том, чтобы она избавила ее от глютеус мегамаксимус. Не то чтобы она сомневалась в божественной помощи, просто считала неприличным поднимать тему своего зада в духовном общении с Матерью Божьей.

Два ужасных дня, в тринадцать лет, она практиковала анорексию, прежде чем решила, что ежедневное вызывание рвоты куда хуже многолетней жизни в растянутых до предела шта-

нах и страха перед узкими дверными проемами. Так что теперь она связывала свои надежды с гренками без масла на завтрак и революционным прогрессом пластической хирургии.

Машина по производству льда и торговые автоматы находились в нише, примыкающей к крытой пешеходной дорожке, на которую выходила дверь ее номера. Легкий ветерок, прилетавший из пустыни, не охлаждал ночь и был таким сухим, что Джилли испугалась, не потрескаются ли у нее губы, пока она преодолеет пятьдесят футов, отделявших ее от ниши.

По пути Джилли столкнулась с мужчиной со взъерошенными волосами и добрым лицом, который, похоже, возвращался из похода к торговым автоматам, поскольку нес банку коки и три пакетика с арахисом. Его выпуклые синие глаза цветом напоминали небо над пустыней Мохаве в августе, когда даже небеса не могут сохранить яркость под напором ослепительно-белого солнца, но жил он определенно не в здешних краях, о чем говорило его круглое розовое, а не загоревшее дочерна лицо, морщины на котором появились от времени и избытка веса, но никак не от безжалостного южного солнца.

Хотя взгляд его не остановился на Джилли, и пусть по лицу встречного гуляла улыбка человека, полностью погруженного в свои мысли, подходя к ней, мужчина сказал: «Если я умру через час, то буду сожалеть, что не наелся арахиса перед тем, как свет навсегда померкнет для меня. Я люблю арахис».

Заявление было как минимум странным, а Джилли уже достаточно пожила на свете, чтобы знать, что в современной Америке не следует вступать в разговор с незнакомцами, которые ни с того ни с сего признаются в страхе перед смертью да еще сообщают о том, чем бы они закусили на смертном одре. Конечно, возможно, что ты имеешь дело с эксцентричным человеком, на котором таким образом сказываются стрессы повседневной жизни. Но скорее всего, перед тобой одурманенный наркотиками психопат, которому хочется вырезать трубку из твоей берцовой кости или использовать твою кожу на чехол для своего любимого топора, которым он отрубает головы. Тем не менее, возможно, потому, что этот мужчина казался совершенно безвредным, а может, по той причине, что Джилли слишком уж долго говорила исключительно с денежным деревом, она ответила: «А по мне, это рутбир. Когда мое время истечет, я хочу пересечь реку Стикс из чистого рутбира».

Словно и не услышав ее ответа, незнакомец проследовал дальше удивительно легким для его габаритов шагом, словно не шел, а легко катил на коньках с блуждающей по лицу улыбкой.

Она наблюдала за ним, пока не убедила себя, что он – еще одна одинокая душа, слишком долго путешествовавшая по пустынным просторам Юго-Востока, возможно, уставший коммивояжер, которому выделили столь огромную территорию, что он вымотался донельзя, рассекая бескрайние просторы по залитым солнцем автострадам.

Она знала, что он мог чувствовать. Ее комедийной визитной карточкой был образ прожаренной солнцем уроженки Юго-Востока, которая каждое утро съедает на завтрак миску едкого перца, болтается в барах, где играют музыку кантри, с парнями, которых зовут Текс и Дасти, не чурается плотских удовольствий, но умеет постоять за себя. К примеру, ей не составит труда ухватить гремучую змею, если та посмеет на нее зашипеть, и так грохнуть оземь, что мозги вытекут из глаз. Джилли выступала в клубах по всей стране, но немалая часть этих выступлений приходилась на Техас, Нью-Мексико, Аризону и Неваду, так что она не теряла связи с культурой, которая взрастила ее, держала палец на пульсе, корректировала свои тексты, чтобы аудитория одобрительно топала сапогами по деревянному полу и откликалась громовым хохотом и криками восторга. Джилли прекрасно понимала, что ее тут же прогонят со сцены, попытайся она подменить сальсу кетчупом. А вот в промежутках между выступлениями ей приходилось покрывать на своем «девилле» немалые расстояния, и, хотя ей нравились эти голые бесплодные земли и серебристые миражи, она понимала, почему пугающая огромность пустыни может вызвать блуждающую улыбку на лице и заставить человека говорить о смерти и арахисе с воображаемым приятелем.

В нише автоматы предлагали три сорта диетколы, два сорта диетлимонада и диетический «Орандж краш». А вот рутбир поставил ее перед дилеммой: воздержание или изобилующий сахаром, отращавающий зад классический напиток. Она побросала четвертаки в щель с шустростью бабульки в казино, решившей воспользоваться временной благосклонностью игрового автомата, и вскоре на поднос одна за другой выкатились три банки с рутбиром. Джилли помолилась Деве Марии безо всякой просьбы, касающейся размеров некой части тела, лишь для того, чтобы заручиться благорасположенностью небес.

С тремя банками газировки и пластиковым ведерком, в котором позвякивали кубики льда, она проделала короткий путь до двери ее номера. Дверь оставила незапертой, зная, что возвращаться будет с полными руками.

Открыв банку с рутбиром, она собиралась позвонить матери в Лос-Анджелес, поговорить с ней о семейной трагедии – большом заде, о новой программе, которую она хотела вынести на суд зрителей, о судьбе отростка Фреда, вверенного заботам матери. Хотелось знать, чувствует ли он себя так же хорошо, как Фред Первый...

Переступив порог, она прежде всего обратила внимание на Фреда, который с королевским спокойствием переносил буйство красок интерьера. А потом на столе, в тени Фреда, углядела банку с колой, поблескивающую от ледяного конденсата, и три пакетика с арахисом.

Еще через долю мгновения заметила на кровати раскрытый черный саквояж, который ранее нес улыбающийся коммивояжер. Должно быть, с образцами продукции.

Разбивающим головы змеям, смело шагающим по песку амазонкам Юго-Востока требовалась особая проворность, как ментальная, так и физическая, чтобы держать в узде романтически настроенных ковбоев, не только крепко набравшихся, но и относительно трезвых. Джилли умела отшить самых настойчивых Казанов так же быстро, как танцевала свинг, а ее призы за исполнение этого танца занимали целую полку.

Тем не менее, пусть Джилли осознала грозящую ей опасность, пробыв в номере менее двух секунд, она не успела адекватно отреагировать и ускользнуть от коммивояжера. Он подошел к ней сзади, одной рукой обхватил шею, второй прижал тряпку к лицу. Мягкую тряпку, пахнущую хлороформом или чем-то еще, возможно закисью азота. Не будучи специалистом по анестетикам, Джилли не смогла точно определить жидкость, которой коммивояжер пропитал тряпку.

Она сказала себе: «Не дыши» – и знала, что должна наступить каблуком на одну из ног коммивояжера, а локтем врезать ему под ребра, но от удивления ахнула в тот самый момент, когда тряпка закрыла нос и рот, и попавший в легкие анестетик сделал свое черное дело. Когда Джилли попыталась поднять правую ногу, последняя никак не хотела ее слушаться, и она забыла, где у нее находится локоть и как он движется. Вместо того чтобы не дышать, Джилли вдохнула полной грудью, пытаясь очистить голову от застилающего тумана, но тут же ее накрыла темнота, и она стала проваливаться в нее, проваливаться, проваливаться...

Глава 5

– Точка, точка, запятая.

«Засиделись мы, играя».

– Точка, точка, запятая.

«Ну за что нам жизнь такая?»

Игра Дилана О'Коннера служила эффективной защитой, позволяющей не сорваться на крик от бесконечного повторения братом одной и той же фразы. Но в данном конкретном случае, не заставив Шепу замолчать, он не мог сосредоточиться на более насущной проблеме – освобождении от пут. И остался бы привязанным к стулу, с кляпом во рту, когда неизвестные убийцы прибыли бы с намерением проверить его кровь на наличие некой субстанции, а потом разрубили бы на мелкие куски и скормили местным стервятникам.

Продолжая обеими руками собирать плоский храм, Шеп в который уж раз повторил: «Точка, точка, запятая».

Дилан сконцентрировался на самом для себя главном.

Размеры тряпки во рту, пропитанной слюной и достаточно большой, чтобы все лицо болело от напряжения, не позволяли ему работать челюстями так агрессивно, как ему хотелось. Тем не менее, сжимая и разжимая мышцы лица, он ослабил хватку изоляционной ленты, которая наконец-то стала отклеиваться по краям.

Он вытащил язык из-под кляпа и начал выталкивать инородное тело изо рта. Тряпка усилила давление на частично оторвавшиеся полоски изоляционной ленты. Процесс этот вызвал боль: кое-где лента отрывалась от губ вместе с маленькими кусочками кожи.

Как гигантская помесь человека и мотылька, выbleвывающая обед в низкобюджетном фильме ужасов, он медленно, но верно освобождал рот от мерзкой тряпки, которая сначала выползла на подбородок, а потом соскользнула на грудь. Посмотрев вниз, он понял, что это белый шерстяной, чуть ли не до колена носок, который Док, скорее всего, нашел в чемодане. Там лежало несколько пар. По крайней мере, он взял чистый носок.

Изоляционная лента держалась теперь только с одной стороны, приклеенная двумя полосками у уголка рта. Дилан шевелил губами, мотал головой, но полоски никак не отлипали.

Наконец-то он мог позвать на помощь, но желание кричать пропало напрочь. Тот, кто пришел бы его освободить, пожелал бы узнать, как он дошел до жизни такой, какой-нибудь озабоченный гражданин мог позвонить в полицию, которая прибыла бы до того, как Дилан успел бы покинуть свои и Шепу вещи во внедорожник и уехать из мотеля. Если киллеры действительно уже спешили сюда, любая задержка могла бы стоить ему жизни.

Воткнутый в подлокотник перочинный ножик, поблескивая лезвием, ждал, когда его пустят в дело.

Дилан наклонился вперед, опустил голову, ухватил зубами покрытую резиной рукоятку. Сжал как мог сильно. Начал осторожно водить взад-вперед, расширяя щель в дереве подлокотника, пока не вытащил лезвие.

– Точка, точка, запятая.

Дилан вновь выпрямился на стуле, крепко сжимая зубами рукоятку перочинного ножа, свел глаза к носу, уставился на сверкающее лезвие. Теперь он был вооружен, но не чувствовал себя опасным.

Он понимал, что не должен выронить нож. Если б нож выскользнул из зубов и упал на пол, Шеп его бы не поднял. Чтобы вновь добраться до ножа, Дилану пришлось бы раскатать стул и вместе с ним свалиться на пол, рискуя получить травму. А риск получения травмы всегда занимал одну из первых строчек в перечне «Чего не делают умные люди». Даже если бы

удалось встретиться с полом без катастрофических последствий, ему пришлось бы попотеть, чтобы вновь добраться до ножа ртом, и это при условии, что тот не закатился бы под кровать.

Закрыв глаза, Дилан думал над тем, что делать дальше.

– Точка, точка, запятая.

Поскольку Дилан был художником, думалось ему всегда легко, да только он не относился к тем художникам, которые погрязли в бездне мрачных мыслей о мерзости человеческой или впали в отчаяние от бесчеловечного отношения людей к себе подобным. На индивидуальном уровне состояние человека изменяется день ото дня, даже от часа к часу, а поглощенный жалостью к себе из-за неудачи, ты можешь упустить возможность стать триумфатором. И на каждый акт бесчеловечности люди совершают сотни добрых деяний. Поэтому, если уж тебе дана способность думать, лучше мыслить о доброте, которую люди проявляют по отношению друг к другу, даже в обществе, где культурная элита насмехается над добродетелью и восхваляет жестокость.

В данном случае вариантов у него было не много, и он достаточно быстро выработал правильный план действий. Наклонившись вперед, поднес лезвие к одному из колец блестящей изоляционной ленты, которое удерживало его левую руку на подлокотнике. Покачивая головой, как иногда покачивал ею Шеп, часами изображавший гуся, Дилан пилил изоляционную ленту перочинным ножом. Результат не замедлил сказаться. Как только левая рука освободилась из плена, он переложил нож из зубов в пальцы.

Пока Дилан разрезал путы, фанат пазлов, продолжая собирать храм, изменил свою фразу: «Запятая, точка, точка».

«Не нужна мне эта бочка».

– Запятая, точка, точка.

«У тебя большая мочка».

Глава 6

Джилли открыла глаза и увидела смутно коммивояжера и его близнеца, наклонившихся над кроватью, на которой она лежала.

И хотя она знала, что должна бояться, страха не испытывала. Только расслабленность. Она сладко зевнула.

Если первый брат был злым, а в этом Джилли не сомневалась, то второй – определенно добрым, поэтому она знала, что у нее есть защитник. В фильмах, и часто в книгах, именно такими авторы и выводили близнецов: один – злой, второй – добрый.

Оба мужчины выглядели на редкость миролюбивыми, но один из них развязал узел резинового жгута, который стягивал руку Джилли, а второй делал ей укол. Не одно из этих деяний вроде бы не ассоциировалось со злом, но Джилли стало как-то не по себе.

– Который из вас собирается ударить меня дубинкой? – спросила она и удивилась тому, что язык у нее заплетается, словно она крепко выпила.

На лицах обоих коммивояжеров отразилось изумление.

– Предупреждаю вас, я владею каратом.

Каждый из близнецов держал большой палец правой руки на поршне шприца, а левой схватил белый носовой платок. Синхронность своих движений они отработали до автоматизма.

– Не каратом, – поправила она. – Карате, – она лгала, но надеялась, что ложь будет убедительной, пусть голос и звучал не так уверенно, как всегда. – Я владею карате.

Затуманенные близнецы заговорили одновременно, их губы двигались в совершенной гармонии.

– Я хочу, чтобы вы еще немного поспали, молодая леди. Спите. Спите.

И опять, совершенно синхронно, белые платки в руках близнецов описали дугу в воздухе и одновременно спланировали на лицо Джилли с таким изяществом, что она подумала: вот сейчас, не прикоснувшись к лицу, эти клочки ткани превратятся в лебедей и взмоют в небо. Но вместо этого влажная ткань, пахнувшая едким запахом забвения, отсекала свет, и уже она сама, на крыльях полуночи, улетела во тьму.

Хотя, по ее прикидкам, она открыла глаза лишь мгновением позже, должно быть, в это мгновение уложились несколько минут. Иглу вытащили из ее руки. Близнецы более не наклонились над ней.

Собственно, в номере находился только один из этих двоих мужчин, и Джилли поняла, что второго и не существовало, просто у нее в глазах все двоилось. Он стоял у изножья кровати, укладывая шприц в кожаный саквояж. Теперь-то она поняла, что принадлежал этот саквояж не коммивояжеру, а врачу.

Он что-то бубнил насчет работы всей жизни, но для Джилли его слова не несли никакой смысловой нагрузки, возможно, потому, что он был психопатом, лопочущим что-то бессвязное, а может, пары анестетика, которые все еще жгли полость рта и носа, не позволяли понять, о чем же он говорит.

Попытка подняться вызвала столь мощный приступ головокружения, что она тут же повалилась на подушку. И схватилась за матрац обеими руками, как спасшийся в кораблекрушении моряк мог хвататься за обломок борта в бурном море.

Ощущение, что пол под нею болтается из стороны в сторону, наконец-то разбудило страх, который ей давно следовало почувствовать. Но до этого момента страх балластом лежал в глубине ее разума.

По мере того как дыхание ее учащалось, ускорившееся сердце вместе с кровью погнало волны озабоченности, и страх угрожал перерасти в ужас, в панику.

Она никогда не стремилась контролировать других, но полагала себя хозяином своей судьбы. Она могла делать ошибки, делала ошибки, множество ошибок, но, если бы ее жизнь пошла наперекосяк, она бы хотела винить в этом только себя. А вот теперь ее лишили контроля над собой, лишили насильно, с помощью каких-то химических веществ, наркотиков, по причинам, которых она не понимала, пусть и пыталась сосредоточиться на том, что продолжал долдонить ее мучитель.

Вместе со страхом пришла злость. Несмотря на владение караоке-карате и образ амазонки Юго-Запада, который она культивировала, Джилли по природе не была воительницей. В качестве оружия она выбрала юмор и обаяние. Но здесь она увидела широкий зад, по которому ужасно хотелось врезать сапогом. И когда коммивояжер-маньяк-врач-кто-бы-то-ни-было наклонился над столом, чтобы забрать банку колы и пакетики с арахисом, Джилли опять попыталась подняться, полыхая праведной яростью.

Но вновь ее пружинный плот закачался в море ярко раскрашенного номера мотеля. Второй приступ головокружения, сильнее первого, бросил ее на подушку, к горлу подкатила тошнота, поэтому, вместо того чтобы дать пришельцу хорошего пинка, она простонала: «Меня сейчас вырвет».

Забрав со стола коку и орешки, подхватив с кровати медицинский саквояж, незнакомец повернулся к ней:

– Вам бы лучше подавить это желание. Анестетик еще действует. Вы можете опять потерять сознание, а если вы отключитесь во время рвоты, то вас будет ждать тот же конец, что Дженис Джоуплин и Джими Хендрикса, которые захлебнулись в собственной блевотине.

Чудеса, да и только. Она вышла из номера, чтобы купить рутбир. Не дело – пустяк. Ничего опасного. Она понимала: за напиток с высоким содержанием сахара придется расплачиваться ограничениями за завтраком – гренок без масла, ничего больше, но она шла к торговым автоматам не затем, чтобы подвергать себя риску умереть, захлебнувшись содержимым собственного желудка. Если бы она знала, как все обернется, осталась бы в номере и напилась воды из-под крана. В конце концов, что хорошо для Фреда, не повредило бы и ей.

– Не двигайтесь, – посоветовал безумец, и в его голосе не слышалось приказных ноток. – Не двигайтесь, и через две или три минуты тошнота и головокружение уйдут. Я не хочу, чтобы вы захлебнулись рвотной массой, это не в моих интересах, но я не могу оставаться здесь, изображая медсестру. И помните: если они доберутся до меня и узнают, чем я тут занимался, они начнут искать тех, кому я сделал укол, и убьют вас.

Помните? Убьют? Они?

Более ранних предупреждений в памяти не осталось, и Джилли решила, что они являлись частью его монолога, произнесенного в тот период времени, когда ее разум был укутан густым, как в Лондоне, туманом.

У двери он обернулся:

– Полиция не сможет вас защитить от тех, кто идет по моему следу. За защитой вам обращаться не к кому.

На качающейся кровати, в качающейся комнате она не могла не думать о недавно съеденных курином сэндвиче с майонезом и жаренных в масле ломтиках картофеля. Попыталась сконцентрироваться на человеке, который привел ее в столь беспомощное состояние, в надежде обрушить на него поток слов, раз уж не могла дать ему крепкого пинка, но тошнота продолжала нарастать.

– Ваша единственная надежда – обратиться из зоны поисков до того, как вас задержат и заставят сдать кровь на анализ.

Куриный сэндвич рвался наружу, словно сохранил в себе часть куриного разума, словно расставание с желудком могло стать для него первым шагом к обретению новой жизни.

Тем не менее Джилли удалось подать голос, но оскорбление, сорвавшееся с ее губ, не принесло ей морального удовлетворения, и не только по той причине, что язык у нее по-прежнему заплетался: «Поселуй меня в сад!»

В клубях, часто имея дело с прилипчивыми домогателями, разбивая их толстые черепа, скручивая им шеи, вырывая злобные сердца, образно говоря, разумеется, она обрушивала на них потоки слов, эффективностью не уступающих кулакам Мухаммеда Али в лучшие его годы. Но последствие анестетика дезориентировало ее, соображала она туго, да и с юмором было не очень.

– Я уверен, кто-нибудь обязательно позаботится о такой красотке, как вы.

– Касюний текол. – Джилли ужаснулась еще сильнее: ее когда-то мощная боевая словесная машина окончательно вышла из строя.

– Мой вам совет: в ближайшие дни никому не рассказывайте о том, что здесь произошло...

– Сонюсий котел, – поправилась она, лишь для того, чтобы понять, что должного результата нет и, возможно, уже никогда не будет.

– ...не высывайтесь...

– Вонючий козел. – На этот раз она добилась желаемого, но все равно слова прозвучали неубедительно.

– ...и вообще молчите о том, что случилось с вами. Если об этом станет известно, вы превратитесь в мишень.

– Деревенщина! – выплюнула она. И что удивительно, это слово не входило в ее обычный лексикон, хотя выступала она отнюдь не в Нью-Йорке.

– Удачи. – И он ушел вместе с банкой коки, пакетиками арахиса и злобной, мечтательной улыбкой.

Глава 7

Освободившись от стула, быстренько сбежав в туалет по малой нужде и вернувшись в комнату, Дилан увидел, что Шеп поднялся из-за стола и повернулся спиной к незаконченному храму синто. Обычно ни посулы, ни угрозы, ни сила не могли оторвать Шепу от картинки-головоломки, пока последний элемент не занимал положенного ему места. А вот теперь, стоя у изножья кровати, уставившись в пустоту, будто углядел в ней что-то материальное, мальчик шептал, не Дилану, даже не себе, возможно, фантому, которого видел только он: «При свете луны».

Бодрствуя, Шеперд излучал отсутствие связи с реальным миром точно так же, как зажженная свеча – свет. Дилан привык жить в ауре странноватости брата. Он стал законным опекуном Шепу более десяти лет тому назад, после безвременной смерти их матери, когда Шепу было десять, а самому Дилану оставалось два дня до девятнадцати. После стольких лет, проведенных вместе, словами и действиями Шеп мог удивить его крайне редко. По молодости он иногда находил поведение Шепу вызывающим ужас, а не просто странным, но теперь это осталось в прошлом, и давно уже по спине Дилана не бежал холодок.

– При свете луны.

Поза Шепу оставалась застывшей и неуклюжей, как и всегда, но вот в голосе появилась несвойственная ему резкость. Лоб, обычно гладкий, словно у Будды, прорезали морщины озабоченности. Лицо вдруг стало жестоким, чего раньше не замечалось. Шеп всматривался в призрака, открывшегося только ему, жевал нижнюю губу, выглядел обозлившимся и встревоженным. Руки чуть приподнялись, пальцы сжались в кулаки, словно он собирался двинуть кому-то, хотя не было случая, чтобы Шеперд О'Коннер по злобе поднял на кого-то руку.

– Шеп, что не так?

Если безумный врач со шприцем говорил правду, им следовало выметаться отсюда, и быстро. Но для поспешного отъезда требовалось содействие Шепу. Однако внутри у юноши, похоже, все бурлило, и в таком состоянии добиться от него чего-либо было трудно. То есть прежде всего Шепу следовало как-то успокоить. Габаритами он уступал Дилану, но и при весе сто шестьдесят фунтов и росте пять футов и десять дюймов старший брат не мог просто сгрести его в охапку и вынести из номера мотеля, как чемодан. Если бы Шеп решил, что не хочет покидать номер, он бы схватился за ножку постели или руками и ногами уцепился бы за дверную коробку, ни больше ни меньше – человек-крюк.

– Шеп? Эй, Шеп, ты меня слышишь?

О присутствии в номере Дилана юноша, похоже, в этот момент знал не больше, чем когда собирал пазл. Общение с другими людьми давалось Шепу не так легко, как обычному человеку, пожалуй, даже не так легко, как отшельнику, обитающему в пещере. Иногда, конечно, он шел на контакт, и контакт очень активный, но гораздо чаще жил в мире, принадлежащем только ему, и вот тогда для него Дилан являл собой безымянную звезду в другом рукаве Млечного Пути, расположенную далеко-далеко от Земли.

Шеп опустил взгляд, словно ему надоело смотреть в глаза призрака, и, хотя теперь взгляд его уперся в какую-то точку на ковре, глаза широко раскрылись, уголки рта опустились, словно он собрался заплакать. По лицу в быстрой последовательности пробежала череда эмоций, которая трансформировала гримасу злобы в беспомощность и даже отчаяние. Злоба ушла и из кулаков, пальцы разжались, руки повисли плетью.

Увидев слезы брата, Дилан подошел к нему, мягко обнял за плечи:

– Посмотри на меня, маленький братец. Скажи мне, что не так? Посмотри на меня, увидь меня, будь со мной, Шеп. Будь со мной.

Временами, даже без уговоров, Шеп реагировал на Дилана, да и на других, почти как нормальный человек. Но гораздо чаще его приходилось убеждать пойти на контакт, медленно и терпеливо уговаривать услышать собеседника и ответить ему.

Разговор с Шепом часто зависел от того, удавалось ли встретиться с ним взглядом, но юноша очень редко соглашался на такой уровень близости. Он старался избегать прямых взглядов не только из-за психологических проблем, но и в силу патологической застенчивости. Иногда, когда воображение особо разыгрывалось, Дилан практически верил, что уход Шеп от мира, начавшийся в раннем детстве, обусловлен тем, что мальчик заметил за собой способность видеть в глазах другого человека секреты его души... и не мог выносить того, что открывалось ему.

– При свете луны, – повторил Шеп, на этот раз глядя в пол. Шепот стал едва слышным, он запинаясь на каждом слове.

Шеп редко говорил, никогда не нес белиберду, пусть даже иной раз и казалось, что его слова – белиберда. За каждой его фразой стояли и мотив, и смысл, пусть фраза производила впечатление загадочной, и понимали Шеп далеко не всегда, частично потому, что Дилану не доставало терпения и мудрости, чтобы правильно истолковать слова брата. В данном случае эмоции, сопровождавшие фразу, однозначно указывали на крайнюю важность необходимости общения. Во всяком случае, Шепу очень хотелось, чтобы его поняли, и поняли правильно.

– Посмотри на меня, Шеп. Нам нужно поговорить. Можем мы поговорить, Шеперд?

Шеп покачал головой, возможно отвергая то, что он видел на полу, или отвергая призрака, вызвавшего у него слезы, или отвечая на вопрос брата.

Дилан взял Шеперда за подбородок, мягко поднял голову юноши:

– Что случилось?

Возможно, Шеп читал душу брата, как открытую книгу, но, даже лицом к лицу, Дилан не увидел в глазах Шеперда ничего, кроме тайн, раскрыть которые – задача более сложная, чем расшифровка египетских иероглифов.

И по мере того как глаза юноши очищались от слез, он заговорил:

– Луна, орбита ночи, лунная лампа, зеленый сыр, небесный фонарь, призрачный галеон, яркий странник...

Это знакомое по прошлому поведение, то ли очередная навязчивая идея, связанная с синонимами какого-то слова, то ли всего лишь способ избежать общения, до сих пор иной раз вызывали у Дилана досаду, даже после стольких лет, проведенных с Шепом. И теперь, когда неизвестная золотистая субстанция циркулировала в его крови, а к мотелю могли приближаться безжалостные убийцы, досада быстро переросла в раздражение, даже гнев.

– ...серебряный шар, лампа жатвы, царственная хозяйка истинной меланхолии.

Не убирая руку с подбородка брата, настаивая на внимании к себе, Дилан спросил:

– Откуда последнее... из Шекспира? Не цитируй мне Шекспира, Шеп. Лучше ответь на поставленный вопрос. Что случилось? Поторопись, помоги мне. Что там с луной? Почему ты расстроился? Что мне сделать, чтобы поднять тебе настроение?

Исчерпав запас синонимов и метафор для луны, Шеп взялся за второе слово – «свет», произнося все с той настойчивостью, которая придавала словам особое значение:

– Свет, иллюминация, радиация, луч, яркость, свечение, блеск, старшая дочь бога...

– Прекрати, Шеп, – попытался оборвать его Дилан, твердо, но не грубо. – Не говори мне. Говори со мной.

Шеп не отвернулся от брата, просто закрыл глаза, похоронив надежду на визуальный контакт, который мог привести к продуктивному общению.

– ...лучезарность, сияние, вспышка, отблеск...

– Помоги мне, – молил Дилан. – Собери свой пазл.

– ...сверкание, глянец, лоск...

Дилан посмотрел вниз, на ноги Шепа, в одних носках.

– Надень туфли, пожалуйста.

– ...накаливание, белое каление, фосфоресценция...

– Собери пазл, надень туфли. – С Шепердом настойчивое повторение иногда приносило желаемый результат. – Пазл, туфли. Пазл, туфли.

– ...светимость, люминесценция, блик, – продолжал Шеп, его глаза ходили под веками, словно он крепко спал и видел какой-то сон.

Один чемодан стоял у кровати, второй, раскрытый, лежал на комод. Дилан закрыл второй чемодан, подхватил оба и направился к двери.

– Эй, Шеп. Пазл, туфли. Пазл, туфли.

Стоя там, где брат оставил его, Шеп продолжал:

– Искра, огонек, сцинтилляция...

Прежде чем раздражение могло вызвать прилив крови к голове, Дилан открыл дверь и вынес чемоданы из номера. Ночь оставалась теплой, как духовка тостера, и сухой, словно сожженная корочка.

Желтый свет фонаря падал на практически пустую автостоянку, впитывался в асфальт, поглощался им столь успешно, как если бы попадал в космическую черную дыру. Благодаря широким пологам теней ночь становилась более зловещей, но Дилан видел, что обещанные убийцы еще не заполонили подступы к мотелю.

Его белый «форд-экспедишн» стоял рядом. На крыше крепился водонепроницаемый багажник, в котором лежали мольберт, палитра, кисти, краски, чистые холсты, другие расходные материалы художника и законченные полотна, которые он продавал на недавнем фестивале в Тусоне (пять, кстати, купили) и намеревался выставить остальные на продажу в Санта-Фе.

Открывая заднюю дверцу и загружая чемоданы, он то и дело смотрел направо, налево, за спину, боясь, что на него нападут снова, словно ожидал, что безумные врачи со шприцами, полными субстанции, путешествуют группами, точно так же, как по каньонам пустыни бегают стаи койотов, в дремучем лесу – волков, а в суде – адвокатов, предъявляющих иск к компании – производителю товара, вызвавшего нарекания потребителей.

Вернувшись в номер, он нашел Шепа на том же месте, где и оставил его, по-прежнему в носках, с закрытыми глазами, озвучивающим свой впечатляющий запас слов:

– ...флуоресценция, биолюминесценция...

Дилан поспешил к столу, развалил законченную часть картинки-головоломки, обеими руками побросал обломки храма и фрагменты вишневых деревьев в коробку. Он бы предпочел сэкономить время и оставить пазл на столе, но точно знал, что без пазла Шеп не уйдет.

Шеперд, конечно же, слышал звуки собираемых в коробку элементов пазла и понимал, что они означают. В обычной ситуации он бы тут же направился к столу, чтобы защитить свой незаконченный проект, но на этот раз остался на месте, продолжая перечислять названия и формы света: «...молния, летающее пламя, огненный зигзаг...»

Закрыв коробку крышкой, Дилан отвернулся от стола и поискал взглядом туфли Шепа. Такие же, как у него самого, только на пару размеров меньше. Слишком много времени ушло бы на то, чтобы усадить брата на кровать, вставить ноги в туфли, завязать шнурки. Дилан поднял туфли с пола, поставил на коробку с элементами пазла.

– Свет свечи, свет лампы, свет факела...

Место укола на левой руке Дилана горело огнем и жутко чесалось. Он подавлял желание сорвать полоску пластыря с мультяшной собакой и сладострастно разодрать ногтями кожу: боялся увидеть под собачкой ужасные доказательства того, что введенная ему субстанция страшнее возбудителя любой известной болезни, любого наркотика, любого ядовитого химического соединения. Под маленькой белой полоской могла ждать отвратительная оранжевая

плесень, или черная сыпь, или первые свидетельства трансформации кожи в зеленую чешую, а его самого – в рептилию. Паранойя а-ля «Секретные материалы» не позволяла ему вскрыть истинную причину зуда.

– ...свет костра, свет газового фонаря, призрачный свет...

Нагруженный коробкой с пазлом и обувью брата, Дилан поспешил мимо Шеп в ванную. Он еще не успел распаковать их зубные щетки и бритвенные принадлежности, но оставил пузырек с выписанным ему антигистаминным препаратом. В данный момент аллергия как болезнь его совершенно не волновала, так же как и перспектива быть сожранным оранжевой плесенью в процессе трансформации в рептилию. Но предстояло бегство от злобных и безжалостных убийц, и не хотелось бы осложнять ситуацию льющимися из глаз слезами и сопливым носом.

– ...хемилюминесценция, кристаллолюминесценция, противосияние, отражение...

Вернувшись из ванной, Дилан обратился к брату с надеждой быть услышанным:

– Пошли, Шеп. Пошли, пошевеливайся.

– ...видимый луч, ультрафиолетовый луч...

– Это серьезно, Шеп.

– ...инфракрасный луч...

– У нас проблемы, Шеп.

– ...фотохимический луч...

– Не заставляй меня применять силу, – молил Дилан.

– ...дневной свет, дневное сияние...

– Пожалуйста, не заставляй меня применять силу.

– ...солнечный свет, солнечный луч...

Глава 8

– Деревенщина, – повторила Джилли закрывшейся двери, потом, наверное, отключилась на короткое время, потому что очнулась уже не на качающейся кровати, а на полу, лежа лицом вниз. Поначалу не могла сообразить, где находится, но идущая от грязного ковра вонь разрушила надежду на то, что она остановилась в президентском номере отеля «Риц-Карлтон».

Героическими усилиями поднявшись на руки и колени, она поползла подальше от предательской кровати. Когда сообразила, что телефонный аппарат стоит на прикроватном столике, развернулась на сто восемьдесят градусов и поползла в обратном направлении.

Добравшись до столика, схватилась сначала за часы-будильник, только потом стянула телефонный аппарат на пол. Усилий на это не потребовалось, спасибо отрезанному шнуру. Вероятно, любитель арахиса перерезал шнур, чтобы исключить звонок копам.

Джилли уже собралась позвать на помощь, но ее остановила мысль о том, что врач-коммивояжер, если он по-прежнему находится где-то поблизости, может откликнуться на ее крик первым. Ей не хотелось получить вторую инъекцию, не хотелось, чтобы ее оглушили пинком по голове, не хотелось выслушивать еще один монолог.

Максимально сконцентрировавшись и собрав воедино всю свою амазонскую силу, ей удалось подняться с пола и сесть на край кровати. Она определенно совершила подвиг. Улыбнулась, раздуваясь от гордости. Крошка сумела сесть без посторонней помощи.

Ободренная достигнутым успехом, Джилли попыталась встать. Поднималась, покачиваясь, чтобы сохранить равновесие, ухватила левой рукой за спинку кровати. Колени у нее подгибались, но худо-бедно держали тело. Еще одно достижение. Крошка может стоять, выпрямившись в полный рост, совсем как обезьяна, и даже прямее некоторых из них.

А главное, она не блеванула, хотя недавно казалось, что этого не избежать. Тошноты она больше не чувствовала, просто... была сама не своя.

Веря, что сможет стоять, не держась за мебель, и вспомнит, как нужно ходить, сделав первый шаг, Джилли добралась от кровати до двери по широкой дуге, компенсируя тем самым перемещения пола, который покачивался, как палуба судна на легкой волне.

Ручка двери являла собой еще одну загадку, но методом проб и ошибок Джилли удалось ее повернуть, открыть дверь и переступить порог. Тут же выяснилось, что теплая ночь на удивление бодрит в сравнении с прохладным номером мотеля. Пустыня жадно высасывала из нее влагу, а вместе с влагой уходил и вызванный анестетиком дурман.

Она повернула направо, где находился административный блок и регистрационная стойка. Вело туда хитросплетение бетонных дорожек, очень уж похожее на крысиный лабиринт в лаборатории.

Сделав несколько шагов, Джилли внезапно осознала, что ее «кадиллак-девилль» исчез. Она поставила автомобиль в двадцати футах от двери своего номера, но теперь его там не было. Она видела перед собой лишь пустой асфальт.

Нетвердым шагом она направилась к тому месту, где стоял «девилль», пристально вглядываясь в асфальт, словно рассчитывала найти на нем объяснение исчезновения автомобиля, скажем – расписку «за один любимый хозяйкой темно-синий „кадиллак-девилль“ со всеми вещами».

Вместо расписки она обнаружила один запечатанный пакетик с арахисом, выроненный улыбчивым коммивояжером, который не был никаким коммивояжером, и дохлого, но все равно страшного жука размером с половину авокадо. Насекомое лежало на блестящем панцире, вскинув в воздух все шесть недвижных лапок. Конечно же, котенок или щенок, улегшийся на пол и вскинувший лапы, вызвал бы у Джилли гораздо больше положительных эмоций.

Энтомология несколько ее не интересовала, так что жука она оставила нетронутым, зато наклонилась и подняла с асфальта пакетик с арахисом. В свое время Джилли прочитала немало романов Агаты Кристи и мгновенно убедила себя, что найденный пакетик с арахисом – важная улика, за которую полиция выразит ей искреннюю благодарность.

Когда Джилли вновь выпрямилась в полный рост, выяснилось, что теплый сухой воздух не полностью избавил ее от воздействия анестетика, хотя она очень на это надеялась. Однако, как только приступ головокружения прошел, она задалась вопросом, а не ошиблась ли местом и не стоит ли «девилль» все в тех же двадцати футах от двери ее номера, только слева, а не справа.

Она посмотрела в нужном направлении и увидела белый «форд-экспедишн» в двенадцати или пятнадцати футах от нее. А «кадиллак», должно быть, стоял по другую сторону внедорожника.

Переступив через дохлого жука, она вернулась на крытую дорожку. Подходя к «экспедишн», осознала, что направляется к нише с торговыми автоматами, где продавался тот самый рутбир, из-за любви к которому с ней и произошли все эти неприятности.

Миновав внедорожник и не найдя своего «девилля», она увидела двоих мужчин, спешащих к ней.

– Улыбчивый мерзавец украл мой автомобиль, – вырвалось у нее, прежде чем она поняла, что за странная парочка идет ей навстречу.

Первый мужчина, высокий и крепкий, как защитник профессиональной команды Национальной футбольной лиги, нес коробку размером с контейнер для большой пиццы. На коробке стояла пара мужских туфель. Несмотря на устрашающие габариты мужчины, он не источал угрозы, возможно, потому, что чем-то напоминал медведя. Не готового вспороть вам живот медведя-гризли, а добродушного медведя из диснеевских мультфильмов, предпочитающего играть, а не вспарывать животы. В мятых брюках цвета хаки и гавайской сине-желтой рубашке. Тревога, читавшаяся в его широко раскрытых глазах, однозначно указывала на то, что он только-только украл из улья все запасы меда и теперь ждет, что на него набросится рой сердитых пчел.

Компанию ему составлял другой мужчина, моложе и меньше, ростом в пять футов и девять или десять дюймов, весом в сто шестьдесят фунтов, в синих джинсах и белой футболке с портретом Злого Койота, незадачливого хищника из мультфильмов про Бегающую Кукушку. В одних носках, он с неохотой сопровождал здоровяка. Если правый носок был надет как положено, то левый наполовину сполз и болтался при каждом шаге.

Хотя поклонник Койота переставлял ноги самостоятельно, не сопротивляясь, руки его висели по бокам как плети, Джилли предположила, что он предпочел бы не составлять компанию медведеподобному мужчине, потому что его тащили за левое ухо. Сначала она подумала, что слышит негодующие протесты поклонника Койота. Однако, когда парочка подошла ближе, смогла разобрать слова, и ей стало ясно, что протестом и не пахнет.

– ...электролюминесценция, катодная люминесценция...

Медведеподобный остановился перед Джилли, отчего пришлось остановиться и маленькому. Голосом пусть более басовитым, но не менее добрым, чем у Пуха, из дома на Пуховой опушке, произнес:

– Извините, мэ, я не расслышал, что вы сказали.

С чуть склоненной головой – сказывалось воздействие руки, которая держала его ухо, – молодой человек продолжал говорить, обращаясь непонятно к кому: «...нимб, ореол, корона, паргелий...»

Джилли не могла утверждать наверняка, то ли все происходит на самом деле, то ли последствие анестетика искажает ее восприятие действительности. Благоразумие подсказывало ей, что нужно молча развернуться и бежать к регистрационной стойке мотеля, но в сложив-

шихся обстоятельствах благоразумие более не пользовалось ее полным доверием, так что она повторила:

– Улыбчивый мерзавец украл мой автомобиль.

– ...северное сияние, полярное сияние, звездный свет...

Видя, на ком сосредоточено внимание Джилли, гигант представил своего спутника:

– Это мой брат, Шеп.

– ...сила света в канделах, световой поток...

– Рада познакомиться с тобой, Шеп, – откликнулась Джилли. Не потому, что действительно обрадовалась новому знакомству, просто не знала, что сказать, никогда не попадала в подобную ситуацию.

– ...квант света, фотон. – Шеп не встретился с ней взглядом, продолжал бубнить свое, пока Джилли и его старший брат разговаривали.

– Я – Дилан.

Не выглядел он как Дилан. Скорее как здоровяк из сказок или легенд – скажем, Самсон.

– Для Шепы это обычное дело, – объяснил Дилан. – Вреда он никому не причинит. Не волнуйтесь. Просто он не совсем... нормальный.

– А кто сейчас нормальный? – пожала плечами Джилли. – После тысяча девятьсот пятьдесят третьего года нормальность недостижима. – Слабость заставила ее привалиться к одной из стоек, на которых держалась крыша пешеходной дорожки. – Надо позвонить копам.

– Вы сказали «улыбчивый мерзавец».

– Сказала дважды.

– Что за улыбчивый мерзавец? – спросил он, и по голосу чувствовалось, что ответ нужен ему крайне срочно, словно «кадиллак» украли у него, а не у нее.

– Улыбчивый, жрущий арахис, тыкающий иглой, крадущий автомобили мерзавец, вот какой мерзавец.

– У вас что-то на руке.

Она с любопытством посмотрела на свою руку, ожидая увидеть воскресшего жука:

– А-а. Пластырь.

– Банни. – И широкое лицо здоровяка потемнело от тревоги.

– Нет, пластырь.

– Банни, – настаивал он. – Вам этот сукин сын наклеил полоску пластыря с Банни, а мне – с танцующей собакой.

Крытая дорожка освещалась достаточно хорошо для того, чтобы Джилли увидела: у нее и у Дилана на сгибе руки идентичные полоски детского пластыря, у нее – с кроликом, у него – с веселым щенком.

Она услышала Шепу: «Люмен, кандела в час, люмен в час», – прежде чем отключила его голос.

– Я должна позвонить копам, – вспомнила она.

– Нет, нет, нет, копы нам не нужны, – возразил Дилан очень серьезно. – Разве он не объяснил вам, что к чему?

– Кто?

– Безумный врач.

– Какой врач?

– Ваш тыкающий иглой мерзавец.

– Так он врач? Я приняла его за коммивояжера.

– С чего вы решили, что он коммивояжер?

Джилли нахмурилась:

– Точно не знаю.

– Очевидно, что он – один из врачей-безумцев.

– Почему тогда он отирается в мотеле, набрасывается на людей, крадет автомобили? Почему просто не убивает пациентов в палатах интенсивной терапии, как ему и положено?

– Вы в порядке? – Дилан всмотрелся в собеседницу. – Вы неважно выглядите.

– Меня чуть не вырвало, но я сдержалась, потом снова чуть не вырвало, но я опять сумела подавить тошноту. Это последствие анестетика.

– Какого анестетика?

– Может, хлороформа. Этот безумный коммивояжер... – Она покачала головой. – Нет, вы правы, он врач. Коммивояжеры не пользуются анестетиками.

– Меня он просто ударил по голове.

– Вот это больше похоже на коммивояжера. Я должна позвонить копам.

– Это не вариант. Он сказал вам о профессиональных киллерах, которые уже едут сюда?

– Я рада, что они не любители. Если уж тебе суждено погибнуть насильственной смертью, хотелось бы, чтобы тебя убили быстро и эффективно. Но вы ему верите? Он бандит и автомобильный вор.

– Думаю, тут он говорил правду.

– Он лживый мешок дерьма, – настаивала Джилли.

Взгляд Дилана сместился куда-то за спину Джилли, и она, услышав шум моторов, повернула голову в ту же сторону.

За автостоянкой тянулась улица. На противоположной стороне находился склон, по его вершине проходила автострада, следовавшая путем луны, с востока на запад. Три внедорожника на слишком большой скорости спускались по дуге съезда, соединяющего автостраду и улицу.

– ...свет, иллюминация, радиация, луч...

– Шеп, думаю, ты начал повторяться, – заметил Дилан, не отрывая взгляда от внедорожников, одинаковых, как капли воды, черных «шевроле-субербан». Их стекла, затемненные, как лицевой щиток Дарта Вейдера, полностью скрывали сидящих внутри.

– ...яркость, сияние, блеск...

Не снижая скорости, первый «субербан» проскочил мимо знака «Стоп» в нижней части съезда и наискось пересек пустынную улицу. Она тянулась вдоль северной границы участка, который занимал мотель, тогда как въезд на автостоянку находился на восточной стороне, куда выходил фасад здания. Проезжая мимо знака «Стоп», водитель первого «субербана» продемонстрировал полное неуважение к правилам дорожного движения, касающимся съезда с автострады. Теперь показал, что ему плевать и на правила движения по городским улицам. «Субербан» забрался на бордюрный камень, пересек тротуар, потом зеленую полосу, разбрасывая колесами комья земли, траву и цветы, со второго бордюрного камня скатился на асфальт автостоянки в каких-нибудь шестидесяти футах от Джилли и, набирая скорость, помчался на запад, к заднему фасаду мотеля.

– ...сверкание, отсвет...

Второй «субербан» следовал за первым, третий не отставал от второго. Вновь из-под колес полетели земля, трава, цветы. Но на автостоянке второй внедорожник повернул на восток, вместо того чтобы догонять первый. Третий покати́л на Джилли, Дилана и Шепу.

– ...мерцание, блик...

В тот самый момент, когда Джилли подумала, что внедорожник раздавит их троих, и решала, в какую сторону отпрыгивать, вправо или влево, не говоря уж о том, что к ее горлу вновь подкатила тошнота, водитель третьего внедорожника показал, что тоже мастерски владеет автомобилем. Нажал на педаль тормоза с такой силой, что «субербан» едва не встал на передний бампер. Четыре мощных прожектора, смонтированные на крыше, ранее темные, вдруг включились, просветив всю троицу буквально до мозга костей.

– ...противосияние, отражение...

Джилли казалось, что она стоит не перед автомобилем, сработанным на одном из американских заводов, а перед неким инопланетным транспортным средством и лучи прожекторов не только освещают, но и собирают о ней всю информацию, вплоть до точного числа атомов в ее теле, выуживают из ее памяти все события начиная с того момента, как ей довелось появиться на свет божий из чрева матери. И уж конечно, знают теперь цвет ее нижнего белья.

Через мгновение прожекторы погасли, но перед ее глазами по-прежнему стояли желтые круги. Впрочем, даже если бы прожекторы не ослепили ее, едва ли она смогла бы разглядеть лица водителя и тех, кто сидел в салоне. Лобовое стекло, похоже, не просто тонировали, но изготовили из экзотического материала, совершенно прозрачного для сидящих внутри, а снаружи непроницаемого для света, как абсолютно черный гранит.

Поскольку эти люди искали не Джилли, Дилана и Шепу, во всяком случае в тот момент, «субербан» дал задний ход. А потом водитель нажал на педаль газа, и внедорожник рванул на восток, ко въезду в мотель, вслед за вторым «субербаном», который с визгом тормозов уже обогнул угол и скрылся из виду.

Шеп замолчал.

Подразумевая безумного врача, который предупреждал о преследовавших его киллерах, Дилан сказал:

– Может, в конце концов, он не лживый мешок дерьма.

Глава 9

Это было экстраординарное время, со множеством маньяков, влюбленных в насилие, и неистовым богом, окруженным защитниками злобы, который винил жертв за их страдания и прощал убийц во имя справедливости. Это было время, когда утопические идеи некоторых правителей прошлого столетия, едва не погубивших цивилизацию, еще не канули в Лету. В новом столетии они несколько потеряли былую мощь, но по-прежнему могли уничтожить надежды многих и многих, если бы не бдительность благоразумных мужчин и женщин. Дилан О'Коннер прекрасно понимал этот бурный век и, однако, оставался неисправимым оптимистом, ибо в каждом мгновении каждого дня, в лучших творениях представителей человечества и в окружающей его природе видел красоту, которая поднимала ему настроение, и всюду, в большом и малом, подмечал признаки того, что мир этот создан не для самоуничтожения, что в сотворении этого мира заложен глубокий смысл, которому служили и его картины. Эта комбинация реалистичности суждений, веры, здравомыслия и стойкой надежды на лучшее проявлялась в том, что события его времени редко удивляли Дилана, еще реже вселяли ужас и никогда не повергали в отчаяние.

Соответственно, узнав, что Фред, постоянный друг и спутник Джулиан Джексон, – некое растение, выходец из Южной Африки, Дилан не так уж удивился и точно не пришел в ужас, скорее даже обрадовался, чем огорчился. Окажись Фред не растением, ситуация существенно бы усложнилась и доставила массу хлопот, которые исключались в случае денежного дерева, растущего в красивом терракотовом горшке.

Помня о трех черных «субербанах», которые направились ко въезду в мотель, этих трех голодных акул в асфальтовом море, Джилли торопливо запаковала свои вещички. Дилан загрузил ее дорожную сумку и единственный чемодан в «экспедишн» через заднюю дверцу.

Любые волнения действовали на Шеперда крайне отрицательно, и в таком состоянии его поведение становилось непредсказуемым. А вот теперь, когда Дилан ни в коей мере не рассчитывал на его содействие, мальчик покорно забрался на заднее сиденье внедорожника. Сел рядом с брезентовым мешком, в котором лежали различные вещи, помогавшие ему коротать долгие поездки в те редкие моменты, когда он не смотрел в никуда и не изучал свои пальцы. Поскольку Джилли настояла на том, что будет держать Фреда на руках, все заднее сиденье осталось в распоряжении Шепы, а уединение всегда способствовало уменьшению его тревоги.

Подойдя к «экспедишн» с горшком в руках, полностью придя в себя от последствий анестетика, женщина вдруг засомневалась в правильности принятого ранее решения отправиться в путь в компании двоих совершенно незнакомых мужчин.

– Я же вас совершенно не знаю, возможно, вы – серийный убийца, – сказала она Дилану, который открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, чтобы она с Фредом могла залезть в кабину.

– Я не серийный убийца, – заверил ее Дилан.

– Именно это и сказал бы любой серийный убийца.

– Именно это сказал бы любой невинный человек.

– Да, но серийный убийца тоже сказал бы так.

– Хватит, забирайтесь в кабину! – нетерпеливо бросил Дилан.

– Вы не мой босс, – резко отреагировала она на изменение тона.

– Я и не говорил, что я ваш босс.

– В последнее столетие в моей семье никто мне не указывал, что делать.

– Тогда, полагаю, ваша фамилия – Рокфеллер. А теперь, пожалуйста, забирайтесь в кабину.

– Не уверена, что это правильное решение.

– Вы помните три «субербана», на которых вполне мог развезать Терминатор?

– Нами они, во всяком случае, не заинтересовались.

– Скоро заинтересуются. Забирайтесь в кабину.

– «Забирайтесь в кабину, забирайтесь в кабину». Именно это и твердил бы серийный убийца.

– Неужто серийные убийцы обычно путешествуют с душевно неполноценными братьями? – раздраженно спросил Дилан. – Или вы не думаете, что его присутствие несколько осложнит использование бензопилы и других орудий убийства?

– Может, он тоже серийный убийца.

Шеп смотрел на них с заднего сиденья, склонив голову, широко раскрыв глаза, моргая в недоумении, и, скорее всего, напоминал не психопата, а большого щенка, который ждет, когда же его отвезут в парк поиграть с фрисби.

– По внешнему виду серийного убийцу не определить, – продолжила Джилли. – Они хитрые. И потом, даже если вы не серийный убийца, то можете оказаться насильником.

– С такой женщиной, как вы, очень приятно иметь дело. – В голосе Дилана слышалась злость.

– Может, вы насильник, откуда мне знать?

– Я не насильник.

– Именно так и сказал бы любой насильник.

– Господи, я не насильник. Я художник.

– Второе не исключает первого.

– Послушайте, женщина, вы обратились ко мне за помощью, а не я к вам. Откуда мне знать, кто вы?

– В одном вы можете не сомневаться, я не насильница. Тут мужчинам опасаться нечего.

Нервно оглядывая ночь, ожидая, что черный «субербан», ревя мотором, может появиться в любой момент, Дилан ответил:

– Я не серийный убийца, не насильник, не похититель детей, не банковский грабитель, не взломщик, не карманник, не кошачий вор, не растратчик, не фальшивомонетчик. Меня лишь дважды останавливали за превышение скорости, в прошлом году я заплатил штраф в библиотеке за то, что задержал книгу, я не вернул четвертак и два десятицентовика, которые нашел в телефоне-автомате телефонной компании, носил широкие галстуки, когда все перешли на узкие, а однажды в парке меня обвинили в том, что я не убрал дерьмо своей собаки, хотя нагадила не моя собака, более того, у меня вообще не было собаки! А теперь вы сядете в кабину, чтобы мы могли уехать, или мы и дальше будем обсуждать, что я могу сделать и похож ли я на Чарльза Мэнсона? И вот что я вам скажу: с вами или без вас, но через минуту я уеду из Доджсити. Не хочу дожидаться возвращения этих «субербанов» и свиста пуль.

– Для художника вы необычайно красноречивы.

Он вытаращился на нее:

– И что вы хотите этим сказать?

– Я всегда думала, что художники лучше видят, чем говорят.

– Да, язык подвешен у меня неплохо.

– Подозрительно для художника.

– То есть вы по-прежнему видите во мне Джека-потрошителя?

– У вас есть доказательства, что вы не он?

– И насильника?

– В отличие от меня вы им быть можете, – заметила она.

– Значит, я красноречивый художник, а также насильник и убийца.

– Это признание?

– А что делаете вы? Поставляете клиентов психиатрам? Тратите все свое время на то, чтобы сводить людей с ума?

– Я комик, – заявила Джилли.

– Для комика вы потрясающе не смешны.

Она оцетинилась, как дикобраз:

– Вы никогда не видели меня на сцене.

– По мне, лучше грызть ногти.

– Судя по вашим зубам, вы нагрызли их достаточно, чтобы построить дом.

Его это задело.

– Вы несправедливы. У меня хорошие зубы.

– Вы подонки. А с подонками все справедливо. Подонки – они хуже червей.

– Убирайтесь из моего автомобиля.

– Я не в вашем автомобиле.

– Тогда забирайтесь в него, чтобы я мог вас вышвырнуть.

– Вы имеете зуб на таких, как я? – в ее голосе появились новые, сулящие угрозу нотки.

– Таких, как вы? Это вы про безумцев? Или несмешных комиков? Или женщин, имеющих неестественные отношения с растениями?

Ее лицо почернело.

– Верните мне мои вещи.

– С радостью, – заверил он ее, тут же направившись к задней дверце «экспедишн». – Забирайте.

Она последовала за ним с Фредом на руках:

– Я слишком давно общалась со взрослыми мужчинами. Забыла, какими ранимыми могут быть двенадцатилетние мальчики.

Стрела попала в цель. Поднимая заднюю дверцу, он злобно глянул на нее:

– Вы и представить себе не можете, до чего же мне хочется быть серийным убийцей. Какое счастье, что через тридцать секунд вы превратитесь в точку на моем боковом зеркале, а как только исчезнете из виду, я забуду о вашем существовании.

– Как бы не так. Легко меня мужчины не забывают.

Достав дорожную сумку из багажного отделения, он поставил ее на асфальт, специально не целясь, но надеясь, что придавит женщине ногу.

– Знаете, вот тут я готов признать свою ошибку. Вы абсолютно правы. Вы так же небываемы, как пуля в груди.

Ночь потряс взрыв. Задребезжали стекла в окнах мотеля, тряхнуло алюминиевую крышу пешеходной дорожки.

Дилан почувствовал, как от взрыва дрогнул асфальт у него под ногами, словно глубоко под ними *Tyrannosaurus rex* шевельнулся в своем вечном сне, и увидел язык пламени, взметнувшийся на востоке, точнее, юго-востоке, перед отелем.

– Представление началось, – прокомментировала Джулиан Джексон.

Глава 10

Эхо от взрыва еще продолжало будить гостей мотеля, а Дилан уже успел вернуть дорожную сумку в багажное отделение «экспедишн» и захлопнул дверцу, не отдавая себе отчета в своих действиях.

К тому времени, когда он скользнул за руль, его языкастая пассажирка с Фредом на коленях уже устроилась на пассажирском сиденье. Дверцы они захлопнули одновременно.

Дилан завел двигатель и обернулся, чтобы посмотреть, пристегнул ли Шеп ремень безопасности. Тот сидел, положив правую руку на макушку, а левую – на правую, словно десятипальцевый шлем мог защитить его от второго взрыва и падающих обломков. На мгновение Шеп встретился взглядом с Диланом, но контакт оказался для мальчика слишком интенсивным. Он не только закрыл глаза, но и повернул голову к окну, сквозь опущенные веки вглядываясь в ночь.

– Поехали, поехали, – торопила Джилли, теперь ей просто не терпелось отправиться в путь в компании человека, который мог оказаться людоедом-социопатом.

Слишком законопослушный, чтобы переезжать бордюрный камень и портить зеленые насаждения, Дилан поехал вокруг мотеля к выездной полосе. Рядом с колоннами, которые вели в административный блок, они обнаружили источник огня: взорвался и горел автомобиль.

Этот не очень-то походил на горящие автомобили, которые мы частенько видим на экране кинотеатра или в телевизоре: стоял он не в обрамлении тщательно продуманных декораций съемочной площадки, местоположение определялось не артистическим видением режиссера, цвет и высоту пламени не подбирали пиротехники, стремясь обеспечить красивое зрелище. Здесь грязно-оранжевые языки пламени иногда словно окрашивались кровью и часто перекрывались черным жирным дымом. Крышка багажника отлетела, деформировалась при взрыве, превратившись во что-то уродливое, отдаленно напоминающее современную скульптуру, и приземлилась на крышу одного из «субербанов», которые стояли вокруг горящего автомобиля на расстоянии двадцати футов от него. Взрывной волной водителя бросило в лобовое стекло. Он прошиб его головой, и теперь верхняя половина тела лежала на капоте, а нижняя оставалась в кабине. Огненный шторм за первые несколько секунд превратил одежду водителя в пепел, а теперь горели его волосы, плоть, жир, костный мозг. Огонь пожирал все, не делая разницы между автомобилем и водителем. Да и языки пламени, плясавшие на последнем, цветом практически не отличались. Преобладал желто-оранжевый с прожилками красного.

Не в силах оторвать глаза от этого кошмара, Дилан стыдился своей неспособности вырваться из лап любопытства. Зачарованность происходящим он, конечно же, списывал на то, что художник обязан видеть мир во всем его многообразии, хотя и признавал, что этот предлог прежде всего служил его интересам. Если отбросить в сторону самообман, ужасная правда состояла в том, что человеческое сердце находит смерть притягательной.

– Это же мой «девилль». – В голосе Джилли слышалось скорее изумление, чем злость, ее потрясло осознание того, что жизнь вдруг пошла наперекосяк в маленьком, сонном аризонском городке, куда она свернула с автострады лишь для того, чтобы перекусить и отдохнуть.

Десять или двенадцать мужчин вышли из близнецов-«субербанов», которые стояли теперь с распахнутыми дверцами. Одеты они были не в строгие костюмы или в военный камуфляж, а в приличествующие пустыне наряды: белые или светло-коричневые туфли, белые или кремово-желтые брюки, рубашки различных пастельных оттенков с коротким рукавом, как полностью расстегивающиеся, так и на трех пуговичках. По их виду чувствовалось, что день они провели на поле для гольфа, а вечер – в прохладе бара со стаканом джин-тоники. Ни на одном лице не отражалась тревога или хотя бы удивление, свойственные обычным людям, которые случайно становятся свидетелями катастрофы.

Хотя Дилану не пришлось проезжать мимо горящего «кадиллака», чтобы добраться до выездной полосы, несколько спортивного вида мужчин отвернулись от огня, чтобы взглянуть на «экспедишн». Они не выглядели как бухгалтеры или менеджеры, как врачи или риелторы. Одного взгляда на них хватало, чтобы понять, что они опаснее даже адвокатов. Бесстрастные лица напоминали высеченные из камня маски, по которым метались огненные блики. Их темные глаза поблескивали, и пусть они не отрывали взглядов от «экспедишн», пока внедорожник не выехал с территории мотеля, ни один не приказал Дилану остановиться, никто не бросился в погоню.

Они уже поймали того, за кем гнались долго и упорно. Врач-безумец погиб в «кадиллаке», и, судя по всему, до того, как эти мужчины смогли схватить и допросить его. С ним, наверное, ушло и все то, что он называл работой своей жизни, а также улики, свидетельствующие об исчезновении двух доз загадочной субстанции. И теперь охотники (возможно, эти мужчины называли себя иначе) верили, что охота завершилась успешно. А потому, если fortuna благоволила к Дилану, им не суждено узнать об обратном, а ему нечего беспокоиться о том, что он может получить пулю в голову.

Он сбросил скорость, потом остановил внедорожник и с положенным постороннему любопытством уставился на горящий автомобиль. Если б проехал без остановки, его поведение наверняка показалось бы подозрительным.

Сидевшая рядом Джилли сразу поняла его стратегию:

– Трудно изображать зеваку, если знаешь жертву.

– Мы его не знали, и лишь несколько минут тому назад вы назвали его мешком с дерьмом.

– Он не жертва, о которой я упомянула. Я рада, что этот улыбчивый мерзавец мертв. Я говорю о любви моей жизни, моем прекрасном темно-синем «девилле».

Мгновение некоторые «гольфисты» смотрели на Дилана и Джилли, которые таранились на объятую пламенем, искореженную грудку металла. Одному богу известно, что они подумали о Шепе, который по-прежнему сидел, положив руки на голову. Пожар его интересовал не больше, чем все остальное, находившееся за пределами его тела. Когда мужчины отвернулись от «экспедишн», Дилан снял ногу с педали тормоза и поехал дальше.

Выездная полоса вела на улицу, пересеченную им менее часа назад, когда он искал, где купить чизбургеры и картофель фри, любовь к которым неизбежно вела к болезням сердца. Впрочем, съесть эти «лакомства» ему так и не удалось.

Он повернул направо и направился к выезду на автостраду. Издалека донесся вой сирен. Скорость Дилан не увеличил.

– Что будем делать? – спросила Джулиан Джексон.

– Постараемся убраться подальше отсюда.

– А потом?

– Уберемся еще дальше.

– Мы не можем бегать вечно. Особенно если не знаем, от кого или от чего бежим... и почему.

Спорить тут было не о чем, устами Джилли говорил здравый смысл, а когда Дилан попытался что-то ответить, выяснилось, что со словами возникла проблема. Не зря же Джилли утверждала, что красноречием художники не славятся.

За спиной Дилана, когда они поднимались на автостраду, его брат прошептал: «При свете луны».

Прошептал только раз, что радовало, учитывая его склонность к повторяемости, а потом заплакал. Плаксом Шеп не был. За последние семнадцать лет плакал редко, с тех пор как в трехлетнем возрасте начал уходить от тревог и разочарований этого мира, пока практически полностью не отгородился от него и не зажил спокойной и безопасной жизнью в другом мире, им же и сотворенном. И вот теперь слезы второй раз за одну ночь.

Он не вопил, не выл, тихонько плакал: рыдания с шумом не вырывались из груди, лишь соскальзывали с губ. И хотя Шеп пытался скрыть раздирающие душу страдания, они тем не менее прорывались наружу. Что-то тяжелым камнем легло на сердце или на душу Шепа. Как бесстрастно показало зеркало заднего обзора, под накрывшими макушку руками его обычно спокойное лицо исказилось, напомнив другое, изображенное Эдвардом Мунком в его знаменитой картине «Крик».

– Что с ним? – спросила Джилли, когда по дуге въезда они поднялись к автостраде.

– Не знаю. – Дилан озабоченно переводил взгляд с автострады на зеркало заднего обзора. – Я не знаю.

Словно обессиленные, руки Шепа медленно заскользили с макушки вниз, к вискам, пониже ушей остановились, пальцы сжались в кулаки, а потом он вдруг сдвинул костяшками пальцев скулы, будто противодействовал какому-то внутреннему давлению, которое грозило раздробить кости, растянуть мышцы, превратить лицо в огромный уродливый шар.

– Видит бог, не знаю, – повторил Дилан, слыша в собственном голосе дрожь отчаяния, и плавно вывел «экспедишн» на автостраду, ту ее половину, что вела на восток.

Автомобили – у всех скорость была повыше, чем у «экспедишн», – мчались к Нью-Мексико. Отвлекаясь на стоны и всхлипывания брата, Дилан никак не мог войти в ритм других водителей.

А потом Шеп, добрый Шеп, тихий Шеп, миролюбивый Шеп, сделал то, чего раньше за ним никогда не замечалось: кулаками начал колотить себя по лицу.

С денежным деревом на коленях, Джилли все-таки сумела повернуться к Шепу и в ужасе закричала:

– Нет, Шеп, не надо! Не надо, сладенький!

И хотя расстояние между ними и людьми в черных «субербанах» оставалось слишком уж малым, Дилан включил правый поворотник, съехал на широкую обочину и нажал на педаль тормоза.

Сделав паузу в наказании, которому он сам себя и подвергал, Шеп прошептал:

– «Ты делаешь свою работу». – А потом вновь принялся бить кулаками по лицу.

Глава 11

Джилли вышла из «экспедишн», чтобы дать возможность Дилану О'Коннеру поговорить с братом наедине, и привалилась еще не слишком большим задом к рельсу ограждения. Потом села на него, обратив незащищенную спину к просторам пустыни, где ядовитые змеи ползали по нагревшемуся за день песку, где тарантулы, волосатые, как маниакальные муллы «Талибана», поджидали добычу, где среди камней, песка и чахлах кустов обитали существа куда более мерзкие даже в сравнении со змеями и пауками.

Существа, которые могли напасть на Джилли сзади, интересовали ее меньше тех, что могли появиться на черных,двигающихся синхронно, словно связанных одной нитью, «субербанах». Раз уж они взорвали находящийся в идеальном состоянии «кадиллак-девилль» модели 1956 года, то были способны на любую жестокость.

И хотя тошнота более не подкатывала к горлу, а голова не кружилась, она не чувствовала себя такой, как прежде. Да, сердце более не прыгало в груди, будто жаба, как было, когда они удирали из мотеля, но и не билось так же спокойно, словно у хористки.

«Спокойная, как хористка». Это выражение она позаимствовала у матери. Под спокойствием мать подразумевала не только скромность и сдержанность, но и целомудрие и любовь к Богу. Когда ребенком Джилли надувала губки или начинала сердиться, мать настоятельно рекомендовала ей брать пример с хористки, а в подростковом возрасте, когда Джилли поддавалась чарам очередного прыщавого Казановы, мать на полном серьезе предлагала ей руководствоваться моральным кодексом той самой часто упоминаемой и мистической девушки, что пела в церковном хоре.

Так уж вышло, что и Джилли со временем начала петь в этом самом хоре, частично для того, чтобы убедить мать в чистоте собственного сердца, частично потому, что представляла себя всемирно известной поп-богиней. На удивление много богинь поп-музыки в детстве и девичестве пели в церковном хоре. Любящий свое дело хормейстер, он же учитель пения, вскоре убедил ее, что она рождена, чтобы петь именно в хоре, а не соло. Он же круто изменил ее планы на будущее, однажды спросив: «А почему ты вообще хочешь петь, Джулиан, когда ты так здорово умеешь смешить людей? Когда люди не могут смеяться, они обращаются к музыке, чтобы поднять настроение, но смех – это то лекарство, с которого нужно начинать».

И вот теперь на автостраде, далеко от церкви и от матери, но всей душой стремясь к ним обеим, сидя на рельсе ограждения с прямой спиной, словно на церковной скамье, Джилли обхватила одной рукой шею и почувствовала, как пульсирует ее правая сонная артерия. И пусть сердце билось чаще, чем у хористки, упокоенной церковными псалмами, частота эта не свидетельствовала о панике. Пожалуй, точно так же сердце билось у нее на сцене в те моменты, когда она видела, что зрители реагируют на ее шутки не так, как ей хотелось. То было сердцебиение исполнителя, стоявшего под светом рамп перед толпой, которая отказывалась признать его за своего. Вот и сейчас она чувствовала, как холодный пот выступил на лбу, шее, пояснице, как повлажнили ладони... этой ледяной влаги провала боялись все исполнители, выступающие что на Бродвее, что в самом захудалом клубе какого-нибудь Флайшита.

Только на этот раз потом ее прошибло не из-за боязни провала, а потому, что в голове сверкнула куда более ужасная мысль: вся ее жизнь может круто измениться и, возможно, ей уже никогда не удастся вернуться к прежнему занятию.

Разумеется, не исключалась вероятность того, что она драматизирует ситуацию. В этом ее упрекали не единожды. Однако не вызывало сомнений, что на текущий момент она сидела на ограждающем рельсе посреди пустыни, далеко от тех, кто ее любит, в компании двоих более чем странных незнакомцев, как минимум наполовину убежденная в том, что стражи порядка, к которым она обратится, играют в одной команде с теми, кто взорвал ее горячо

любимый «кадиллак». Более того, с каждым сокращением сердца неизвестная субстанция все глубже проникала в ткани ее тела.

И, поразмыслив, Джилли поняла, что реальная ситуация, в которой она очутилась, калейдоскопом событий, накалом страстей и ломкой устоявшихся представлений о причинно-следственной связи превосходит любую мелодраму, поставленную на сцене или показанную на экране. «Та еще мелодрама», – пробормотала она.

Через открытую заднюю дверь «экспедишн» Джилли отчетливо видела Дилана О'Коннера, который сидел рядом с Шепом и говорил, говорил, говорил. Шум проезжающих автомобилей не позволял ей расслышать ни слова, но, судя по устремленному в никуда взгляду Шеперда, Дилан мог бы сидеть в «экспедишн» в одиночестве, ублажая разговором только собственные уши.

Поначалу он сжал руки младшего брата в своих, чтобы тот перестал бить себя по лицу. Из левой ноздри Шепы и так уже текла тонкая струйка крови. Потом отпустил руки и просто сидел рядом с Шепом, наклонившись вперед, опустив голову, упираясь предплечьями в бедра, сцепив пальцы, не прекращая говорить.

Из-за шума транспорта, не позволяющего Джилли слышать Дилана, создавалось впечатление, будто он о чем-то шепчется с младшим братом. Тусклый свет в кабине «экспедишн» и поза мужчин, бок о бок, близко, но врозь, вызвали мысли об исповедальне. Чем дольше она наблюдала за братьями, тем более крепла эта иллюзия, до ее ноздрей даже долетел запах полировочного состава для дерева, каким в годы ее молодости натирали стены и дверцы кабинок для исповеди, и аромат церковных благовоний.

Странные мысли начали роиться в голове Джилли, она вдруг подумала, что видит нечто большее, чем могут воспринять пять ее чувств, что под внешним слоем, особенности которого они фиксировали, лежат другие, полные загадок, а в самой сердцевине, под всеми слоями таится что-то... необыкновенное. В этом мире Джилли пустила слишком глубокие корни, чтобы быть медиумом или мистиком. Никогда ранее не испытывала она подобного состояния.

И хотя ночь не могла похвастаться какой-то экзотикой, если не считать едкого щелочного дыхания пустыни да запаха выхлопных газов проезжающих автомобилей, воздух между Джилли и братьями, казалось, густел от марева благовоний. И эти ароматы клевера, мирры, ладана более не были воспоминанием. Они стали такими же реальными, как звездное небо над головой и гравий обочины под ногами. В кабине «экспедишн» ароматический дымок отражал свет лампы под крышей, рисовал сине-золотистую ауру вокруг О'Коннеров, и вскоре она уже могла поклясться, что светятся сами братья, а не лампа у них над головой.

В этой паре она отводила Дилану роль священника, тогда как Шепу – заблудшей души. Но поза и выражение лица Дилана указывали на то, что кается именно он, тогда как взгляд Шепы из пустого все более становился задумчивым. А когда младший брат начал медленно и ритмично кивать, он окончательно превратился в одетого в сутану падре, наделенного духовной властью отпускать грехи. Джилли чувствовала, что эта неожиданная смена ролей открывает очень важную истину, но не могла осознать, какую именно, не могла понять, почему отношения между этими двумя мужчинами вдруг так заинтересовали ее. Более того, у нее сложилось ощущение, что эти отношения и позволят ей выпутаться из ситуации, в которой она оказалась волею обстоятельств.

На этом странности не закончились: она услышала серебристый смех детей, хотя никаких детей поблизости не было, а смех тут же усилился, к нему прибавилось хлопанье крыльев. Оглядев звезды над головой, Джилли не увидела на фоне созвездий ни единого силуэта пролетающей птицы, однако хлопанье становилось все громче, смех тоже, так что она поднялась с рельса и в недоумении начала осматриваться вокруг.

Джилли не находила слова, которым могла бы описать происходящее с ней, поскольку назвать все это галлюцинацией не поворачивался язык. Эти звуки и запахи не обладали ни

сказочной иллюзорностью, ни сверхреалистичной насыщенностью, свойственными, как полагала она, галлюцинациям, но находились в полном соответствии с теми составляющими ночи, в реальности которых она не сомневалась. Они полностью вписывались в общую картину наряду с шумом проезжающих автомобилей, светом фар, запахом выхлопных газов.

Все еще поворачиваясь на звук хлопающих крыльев, Джилли увидела ряды горящих свечей к югу от нее, в пустыне, в каких-то двадцати футах от оградительного рельса. Как минимум двадцать свечей, какие ставят в церкви в маленьких красных стаканчиках, светились в ночи.

Если это было видение, то вело оно себя на удивление реалистично, полностью подчиняясь законам физики. Металлическая стойка находилась у подножия песчаной дюны, среди островков полыни, и отбрасывала четкую тень – спасибо яркому свету свечей, которые располагались на стойке. А за тенью отраженный свет тряс на песке львиными гривами и крутил змеиными хвостами. Серебристо-зеленые листочки растений окрашивались в цвет красного вина, напоминали языки, смакующие алый напиток. Эти несвойственные пустыне цвета не накладывались на ландшафт хаотично, словно причина их – сверхъестественное сияние, но становились составной частью ландшафта.

Также на юге, но в нескольких ярдах восточнее свечей и даже ближе к ограждающему рельсу стояла единственная церковная скамья, обращенная к ризнице и алтарю, которые оставались невидимыми. Один конец длинной деревянной скамьи уходил в склон дюны; на другом сидела женщина в темном платье.

Местность эта, без скамьи и свечей, в далекие времена слышала топот копыт диких лошадей, теперь же галопом летело сердце Джилли, и удары его громкостью ничуть не уступали грохоту целого табуна, мчащегося через пустыню. Пот, который ее прошиб, стал еще более холодным, просто ледяным, на сцене с ней такого не случалось. Теперь она уже не боялась галлюцинаций, нет, ее охватил другой страх: она решила, что сходит с ума.

У женщины в синем или черном платье, сидевшей на краю скамьи, волосы цвета воронова крыла ниспадали до поясницы. Из уважения к богу голову она покрыла белой мантилей, край которой, так уж вышло, скрывал черты лица. Погруженная в молитву, она не замечала присутствия Джилли, понятия не имела о том, что церковь, где она молилась, исчезла.

А воздух сотрясало хлопанье крыльев, оно стало громче и ближе, и почему-то у Джилли не было ни малейших сомнений в том, что это оперенные крылья птиц, а не летучих мышей. Звуки эти она слышала совершенно отчетливо, источник их находился уже близко от нее, и однако ни одной птицы она пока не увидела.

Поворачивалась, поворачивалась и поворачивалась в поисках птиц, пока перед ней вновь не оказалась распахнутая дверца внедорожника, за которой Дилан и Шеп все так же восседали в ложной исповедальне, светящиеся, как призраки. Дилан ничего не знал о встрече Джилли со сверхъестественным, был далек от нее, как, должно быть, его младший брат – от окружающего мира, и она не могла обратить его внимание на свечи и на молящуюся женщину, потому что страх похитил ее голос и практически лишил способности дышать. Хлопанье крыльев все нарастало, превращалось в гром, в рев урагана, оглушало ее, рвало барабанные перепонки. Звуки эти не только обрушивались на нее, но и поворачивали, поворачивали, трепали волосы, обдували лицо, пока она вновь не увидела свечи в красных стаканчиках и молящуюся женщину на длинной деревянной церковной скамье.

Вспышка. Что-то бледное полыхнуло у ее лица. Тут же последовала еще одна, более яркая. И вот уже в этой вспышке, которая длилась долю мгновения, Джилли увидела, что вокруг нее машет крыльями множество голубей. Неистовство, с которым крылья эти рассекали воздух, предполагало злобность клювов, и Джилли испугалась за свои глаза. Прежде чем она успела поднять руки, чтобы защитить их, резкий удар потряс ночь, громкий, как шелканье божьего хлыста, и голубиная стая еще сильнее замахала крыльями. На этот раз несколько крыльев коснулись ее лица, и она закричала, но беззвучно, потому что ее горло превратилось в

бутылку, которую надежно запечатывала пробка ужаса. Окруженная биением крыл, она моргнула, ожидая, что сейчас крылья эти вышибут ей глаза, но вместо этого птицы исчезли так же внезапно, как появились, не просто стали невидимыми, но пропали вместе с хлопаньем крыльев и яростью.

Исчезла также и стойка со свечами среди дюн. И женщина в белой мантилье, вместе со скамьей, на которой она сидела, вернулась в неведомую Джилли церковь, откуда и переместилась в аризонскую пустыню.

Освободилось от пробки и горло Джилли. Она шумно выдохнула, тут же вдохнула и почувствовала в этом глотке воздуха запах крови. Тонкий, но узнаваемый безошибочно запах убийства и жертвоприношения, трагедии и славы: чуть металлический, с толикой меди и капелькой железа. Не только белая волна крыльев коснулась ее лица. Трясущимися руками, осторожно, она дотронулась до шеи, подбородка, щек и, с отвращением глядя на свои пальцы, почувствовала влагу на губах, попробовала ту самую субстанцию, которая окрасила подушечки пальцев. Джилли закричала, на этот раз не беззвучно.

Глава 12

Автострада, в лунном свете более черная, чем голая земля, разматывалась под колесами «экспедишн», унося Джилли и братьев О'Коннер навстречу хаосу и забвению. Иной раз создавалось впечатление, что автострада брала начало в хаосе и сматывалась в клубок, ведя их к тщательно спланированной и неизбежной судьбе.

Джилли не знала, какой из вариантов пугал ее больше: убежать в утыканные шипами заросли проблем, где за каждым поворотом тропы ждало неведомое, рискуя переступить черту, отделявшую здоровую психику от безумия, или установить личность этого улыбающегося мужчины с иглой и разгадать тайну золотистой субстанции в шприце.

За двадцать пять прожитых лет она уже узнала, что понимание далеко не всегда приносит покой. В настоящее время, начиная с момента возвращения в номер с рутбиром, она пребывала в чистилище невежества и смятения, где жизнь напоминала кошмарный, по меньшей мере плохой сон. Но, найдя все ответы, расставив все точки над «i», она могла обнаружить, что попала в ад на земле, который заставил бы ее мечтать о сравнительной тишине и покое этого выматывающего все нервы чистилища, где она сейчас пребывала.

Как и прежде, Дилан вел автомобиль, не отдавая все внимание дороге, то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора и частенько оборачивался через правое плечо, чтобы убедиться, что Шеп более не пытается причинить себе вред, но теперь уже две проблемы не давали ему сосредоточиться на вождении. После драматического выступления Джилли на обочине дороги, ее путаного рассказа о птицах и крови Дилан отнесся к ней с той же заботой, которую проявлял к брату.

– Ты действительно попробовала ее? – спросил он. – Я про кровь. Ощутила ее запах?

– Да. Я знаю, что настоящей она быть не может. Ты же ее не видел. Но по цвету, запаху и вкусу была настоящей.

– Слышала птиц, чувствовала их крылья?

– Да.

– При галлюцинации обычно задействуются все пять чувств?

– Это не была галлюцинация, – упорствовала Джилли.

– Да, но и наяву ничего этого не было.

Она зыркнула на него и увидела, что он со свойственной ему мудростью признает смертельную опасность, которая могла нависнуть над ним, если он и дальше будет настаивать, что она, амазонка Юго-Востока, бесстрашная воительница, ударом ноги выворачивающая из земли кактус, подвержена галлюцинациям. На ее шкале галлюцинации находились лишь на ступеньку выше таких эксцентричных женских жалоб, как испарина, обмороки и постоянная меланхолия.

– Я не истеричка, – уточнила она, – не алкоголичка, которой не дают выпить, не поклонница психоделических грибов, поэтому слово «галлюцинация» к моему случаю не подходит.

– Хорошо, назовем это видением.

– Я и не Жанна д'Арк. Бог не посылает мне свои весточки. Хватит. Я больше не хочу об этом говорить, во всяком случае сейчас.

– Мы должны...

– Я сказала, не сейчас.

– Но...

– Я боюсь, понимаешь? Я боюсь, а разговоры об этом не уменьшают моего страха, скорее наоборот. Так что давай возьмем тайм-аут. Тайм-аут.

Она понимала, почему он относится к ней с такой заботой и даже осторожностью, но не хотела, чтобы он ее успокаивал. Она с трудом выносила сочувствие друзей, а уж симпатия незнакомцев могла с легкостью трансформироваться в жалость. Жалости же она не потерпела

бы ни от кого. Джилли передергивало при мысли о том, что кто-то сочтет ее слабой или неудачливой. Она не могла допустить, чтобы кто-то начал ей покровительствовать.

Поэтому взгляды Дилана, в каждом из которых легко читалось сочувствие, до такой степени раздражали Джилли, что у нее возникло острое желание отгородиться от них. Она расстегнула ремень безопасности, взобралась с ногами на переднее сиденье, подсунув их под себя, коврик у сиденья отдала в полное распоряжение Фреду, повернулась боком, чтобы постоянно держать Шепу в поле зрения, тем самым предоставив Дилану возможность реже отвлекаться от дороги.

Дилан оставил Шепу аптечку. К полному изумлению Джилли, молодой человек открыл ее на сиденье рядом с собой и использовал содержимое по назначению, пусть лицо его оставалось бесстрастным, а движениями он более всего напоминал робота. Ватными шариками на палочках, смоченными в перекиси водорода, он терпеливо убрал сгустки запекшейся крови из левой ноздри, из-за которых посвистывал при каждом вдохе и выдохе. Прodelал он все это очень осторожно, не вызвав повторного кровотечения. Его брат сказал, что Шеп не сломал себе нос, только повредил внутренние сосуды, и, судя по всему, Дилан поставил правильный диагноз, поскольку Шеп ни разу не поморщился и не зашипел от боли. Ватой, смоченной в спирте для растирания, он стер кровь с верхней губы, из уголка рта, с подбородка. Он ободрал пару костяшек о зубы и теперь протер ранки спиртом, а после намазал неоспорином. Большим и указательным пальцем правой руки проверил зубы, один за другим, сначала сверху, потом снизу, всякий раз убеждаясь, что зуб крепко сидит в десне, приговаривая: «Как и должно быть, милорд». Судя по его нежеланию идти на визуальный контакт, отстраненности от этого мира, отсутствию в кабине внедорожника персон благородного происхождения, лордов, скажем, или герцогов, Шеп не обращался к кому-либо конкретно: «Как и должно быть, милорд». Движениями он действительно напоминал робота, но вот неуклюжесть и неточность этих движений определенно указывали на то, что разработчикам конструктивных узлов и программного обеспечения не удалось устранить все ошибки.

Не единожды Джилли пыталась заговорить с Шепердом, но все ее усилия наладить контакт проваливались. Он общался только с милордом, подробно докладывая о результатах своих трудов.

– Он может поддерживать разговор, – заверил ее Дилан. – Хотя, даже когда он в отличной форме, остроумием не блещет, так что на коктейль-пати ему не стать душой компании. Разговор у него особый, я бы сказал, это шеповский разговор, но и он достаточно интересен.

На заднем сиденье Шеп проверил крепость очередного зуба и вновь объявил: «Как и должно быть, милорд».

– Но так скоро перейти с ним в режим диалога не удастся, – продолжил Дилан, – особенно если он в таком состоянии. Он не очень хорошо переносит волнения или отклонение от заведенного порядка. Оптимальный для него вариант – когда за весь день не происходит ни одного неожиданного события. Завтрак, обед и ужин подают в привычное время, каждая трапеза включает только те блюда – список их невелик, – которые он признает, ему не встречается много новых людей, пытающихся заговорить с ним... вот тогда, пожалуй, с ним возможно завязать разговор и что-то от него узнать.

– Как и должно быть, милорд, – объявил Шеп отнюдь не в подтверждение сказанного братом.

– Что с ним происходит? – спросила Джилли.

– Ему поставили диагноз – аутизм, но с высоким потенциалом умственного и физического развития. Он никогда не бунит, в редких случаях охотно идет на контакт, поэтому однажды врачи предположили, что у него синдром Эспергера.

– Эс...

– Эспергера, с ударением на «пер». Шеп все может делать, хотя иногда не так хорошо, как хотелось бы. Но я думаю, не стоит выставлять диагнозы с такой легкостью. Он просто Шеп, уникам.

– Как и должно быть, милорд.

– Он повторил эту фразу уже четырнадцать раз, – прокомментировал Дилан. – Сколько у человека зубов?

– Думаю... тридцать два, считая четыре зуба мудрости.

Дилан вздохнул:

– Слава богу, зубы мудрости ему удалили.

– Ты сказал, что ему нужна стабильность. Идут ему на пользу все эти мотания по стране?

– Как и должно быть, милорд.

– Мы не мотаемся. – В голосе Дилана послышались резкие нотки, словно вопрос Джилли задел его, хотя она не собиралась в чем-то укорять своего собеседника. – У нас есть определенный порядок, цели, к которым мы стремимся. Мы ездим не просто так. Только по делу. Путешествуем с комфортом. «Форд-экспедишн» не фургон, запряженный лошадьми.

– Я хотела сказать, может, ему было бы лучше в специализированной лечебнице?

– Этого никогда не произойдет.

– Как и должно быть, милорд.

– Не все же эти заведения – гадюшники.

– Кроме меня, у него никого нет. Если отправить его в лечебницу, он останется совсем один.

– Может, ему там будет лучше.

– Нет. Его это убьет.

– Прежде всего, там ему не позволят причинить себе вред.

– Он не причиняет себе вреда.

– Только что причинил, – напомнила она.

– Как и должно быть, милорд.

– Это первый и единственный случай. Исключение. – Надежды в голосе Дилана было больше, чем убежденности. – Больше это не повторится.

– Ты и представить себе не мог, что такое вообще может случиться.

Хотя они уже превысили разрешенный предел скорости, а транспортный поток не позволял особо разгоняться, Дилан все сильнее давил на педаль газа.

Джилли чувствовала, что ему хочется уехать как можно дальше от мужчин на черных «субербанах».

– Как бы быстро ты ни гнал, Шеп все равно остается на заднем сиденье.

– Как и должно быть, милорд.

– Безумный врач сделал тебе инъекцию, – Дилан не стал отвечать на ее реплику, – а часом позже или около того ты испытала...

– Я же попросила, насчет этого возьмем тайм-аут.

– И я тоже не хочу об этом говорить! – воскликнул Дилан. – О лечебницах, санаториях, интернатах, где люди становятся мясными консервами, где их кладут на полку и лишь время от времени смахивают с них пыль.

– Как и должно быть, милорд.

– Хорошо. – Джилли кивнула. – Извини. Я понимаю. Это действительно не мое дело.

– Совершенно верно, – согласился Дилан. – Шеп не *наше* дело. *Мое*.

– Как и должно быть, милорд.

– Двадцать, – подсчитала Джилли.

– Но твое измененное состояние сознания – наше дело, не только твое, твое и мое, потому что оно имеет непосредственное отношение к инъекции...

– Мы не знаем этого наверняка.

Целая гамма чувств чередой промелькнула на широком подвижном лице, как будто он действительно был мультяшным медведем, который вышел из анимационной реальности в настоящий мир, сбрил шерсть и принялся решать сложную задачу: сойти за человека. В результате черты его лица сложились в некую комбинацию, достойную Сильвестра, в тот самый момент, когда хитрый кот уговорил Твити спрыгнуть с обрыва.

– Вот это как раз мы знаем наверняка.

– Не знаем, – гнула свое Джилли.

– Как и должно быть, милорд.

– И мне термин «измененное состояние» нравится ничуть не больше, чем «галлюцинация», – продолжила Джилли. – Превращает меня в какую-то идиотку.

– Не могу поверить, что мы спорим о терминологии.

– Я не спорю. Просто говорю, что мне не нравится.

– Если нам приходится об этом говорить, мы должны как-то назвать предмет нашего разговора.

– Тогда давай об этом не говорить, – предложила она.

– Ничего другого нам не остается. Что, по-твоему, мы должны делать? Мчаться неизвестно куда до конца жизни, нигде не останавливаясь и не говорить об этом?

– Как это и должно быть, милорд.

– Раз уж мы заговорили о передвижении... ты слишком гонишь.

– Да нет же.

– На спидометре больше девяноста.

– Это кажется с твоего места.

– Правда? А что кажется с твоего?

– Восемьдесят восемь, – признал он и чуть снизил нажим на педаль газа. – Давай назовем это... мираж. Этот термин не подразумевает психической неуравновешенности или религиозной истерии.

– Как и должно быть, милорд.

– Я думаю, может, фантазм? – предложила Джилли.

– Фантазм меня вполне устроит.

– Но мираж, пожалуй, лучше.

– Отлично! Великолепно! И мы в пустыне, так что подходит идеально.

– Но в действительности это не мираж.

– Знаю, – заверил он ее. – Это что-то твое, особенное, уникальное, точного названия которому нет. Но если этот мираж появился исключительно благодаря этой чертовой субстанции, которую вкололи в тебя... – Он замолчал, чувствуя, что она начнет протестовать. – Слушай, давай смотреть правде в глаза. Здравый смысл подсказывает, одно и другое взаимосвязано.

– Значение здравого смысла зачастую преувеличивают.

– Только не в семье О'Коннер.

– Я не член семьи О'Коннер.

– Что освобождает нас от необходимости сменить фамилию.

– Как и должно быть, милорд.

Она не хотела с ним спорить, знала, что они в одной лодке, но не смогла сдержаться.

– Значит, в семье О'Коннер нет места таким, как я, да?

– Опять мы возвращаемся к «таким, как я».

– У тебя, похоже, это пунктик.

– Нет у меня такого пунктика. Он есть у тебя. Какая-то ты чувствительная. В любой момент готова взорваться, как перегретый паровой котел.

– Прекрасно. Теперь я перегретый паровой котел. У тебя просто талант доставать людей.
– У меня? Да нет в мире человека, с которым легче поладить, чем со мной. Я никогда никого не доставал... до встречи с тобой.

– Как и должно быть, милорд.

– Стрелка у тебя опять залезла за девяносто, – предупредила она.

– На спидометре восемьдесят девять, – не согласился он, но на этот раз не снизил давление ноги на педаль газа. – Если мираж появился благодаря субстанции, которую в тебя ввели, меня, скорее всего, ждет то же самое.

– Еще одна причина, по которой не стоит ехать быстрее девяноста миль в час.

– На спидометре восемьдесят девять, – поправил он и с неохотой чуть сбросил скорость.

– Этот сукин сын, безумный коммивояжер, первым сделал укол тебе, – напомнила Джилли. – Поэтому, если бы субстанция вызывала миражи, ты бы увидел его раньше меня.

– Повторяю в сотый раз – он не коммивояжер. Безумный врач, ученый-псих, что-то в этом роде. И если уж на то пошло, он говорил, что его субстанция на всех действует по-разному. Индивидуально.

– Как и должно быть, милорд.

– Индивидуально? Как это?

– Он не сказал. По-разному. Еще он сказал, что эффект всякий раз интересный, часто потрясающий, иногда положительный.

Ее передернуло при воспоминании о машущих крыльями птицах и горящих свечах.

– Мираж не был положительным эффектом. Что еще сказал доктор Франкенштейн?

– Франкенштейн?

– Мы не можем называть его безумным врачом, ученым-психом, чокнутым сукиным сыном, коммивояжером. Нам нужно дать ему вымышленную фамилию, пока мы не узнаем настоящую.

– Но Франкенштейн...

– Что тебе не нравится?

Дилан поморщился, неопределенно взмахнул рукой:

– Очень уж это...

– Как и должно быть, милорд.

– Мелодраматично, – решил он.

– Все у нас критики, – фыркнула Джилли. – И почему я постоянно слышу это слово? Мелодраматично!

– Я произнес его впервые, – запротестовал он, – и оно не относится лично к тебе.

– Не ты. Я не говорила, что ты. Но с тем же успехом мог быть и ты. Ты мужчина.

– Что-то я тебя не понимаю.

– Разумеется, не понимаешь. Ты мужчина. Со всем своим здравым смыслом ты не можешь понять ничего такого, что не укладывается в прямую линию, как костяшки домино.

– У тебя какие-то проблемы с мужчинами? – спросил Дилан, и Джилли очень уж захотелось оплеухой стереть самодовольство, проступившее на его лице.

– Так и должно быть, милорд.

Одновременно, с одинаковым облегчением в голосе Джилли и Дилан воскликнули: «Двадцать восемь!»

На заднем сиденье, проверив все зубы и убедившись в их целостности и сохранности, Шеп надел туфли, завязал шнурки и застыл в молчании.

Стрелка спидометра сдвинулась влево, несколько успокоилась и Джилли, хотя понимала, что настоящее спокойствие в ближайшее время ей может только сниться.

На скорости семьдесят миль в час, хотя он, возможно, заявил бы, что на спидометре шестьдесят восемь, Дилан нарушил затянувшуюся паузу:

– Извини.

Джилли удивилась:

– Извинить за что?

– За мой тон. Отношение. Слова. Я хочу сказать, в обычной ситуации тебе не удалось бы втянуть меня в спор.

– Я тебя никуда не втягивала.

– Нет-нет, – поправился он. – Я не про это. Ты не втягивала. Не втягивала. Я просто хочу сказать, что обычно не злюсь. Сдерживаю злость. Мне это удастся. Преобразую ее в созидательную энергию. Это часть моей философии. Как художника.

Ей никогда не удавалось подавить свой цинизм столь же успешно, как Дилану, если он говорил правду, злость она слышала в его голосе, почувствовала в изменившемся лице, черты которого вдруг сложились в маску презрения.

– Художники, значит, не злятся?

– У нас не остается достаточного количества негативной энергии после всех этих изнасилований и убийств.

Такой ответ ей понравился.

– Извини. Мой детектор дерьма всегда зашкаливает, когда люди начинают говорить об их философии.

– Ты, конечно, права. Нет ничего более величественного, чем философия. Мне следовало сказать, что это мой *modus operandi*. Я не отношусь к тем озлобленным молодым художникам, которые создают полотна, полные ярости, злобы и воинствующего нигилизма.

– И что же ты рисуешь?

– Мир, какой он есть.

– Да? И каким нынче выглядит для тебя наш мир?

– Совершенным. Прекрасным. Глубоким, многослойным. Загадочным, – слова эти он произносил, будто повторял молитву, из которой черпалась умиротворенность, приносимая только истинной верой, голос его смягчился, лицо начало светиться изнутри, и Джилли уже не видела в нем мультяшного медвежонка, которого он прежде напоминал. – Полным истины, которая, прочувствованная и правильно истолкованная, успокаивает надеждой самое бурное море. И мне, увы, не хватает таланта, чтобы запечатлеть всю эту красоту на холсте.

Простота слов Дилана настолько не вязалась с его внешним обликом, что поначалу Джилли не нашлась с ответом. Она понимала, что не должна позволить сорваться с губ репликам, полным сарказма, хотя язык уже подрагивал от них, как язык змеи, изготовившейся к броску. Ответить одной из таких реплик для нее не составляло труда, кто-то мог даже счесть их смешными, но в сравнении с его искренностью они выглядели бы плоскими и выхолощенными. Куда-то подевалась ее самоуверенность и привычка подвергать все сомнению, потому что глубина мысли и скромность, открывшиеся в его коротком монологе, выбили ее из колеи. К удивлению Джилли, игла неполноценности пробила ее, как редко когда пробивала раньше, оставив ощущение... внутренней пустоты. Ее остроумие, всегда размером с огромный парусник, который мчит по волнам под попутным ветром, вдруг скукожилось до маленького скифа, севшего на мель.

Чувство это ей совершенно не нравилось. Он не собирался унижить ее, а вот она сидела рядом с ним униженная. Будучи хористкой, посещая церковь большую часть своей жизни, Джилли понимала теоретический посыл, что смирение – добродетель и даже благословение, гарантирующее более счастливую жизнь в сравнении с теми, кто без него обходится. В тех случаях, когда священник затрагивал этот вопрос в своих проповедях, она пропускала его слова мимо ушей. Для юной Джилли жизнь, полная смирения, а не с абсолютным его минимумом, могла, конечно, заслужить одобрение господ, но лично она предпочла бы не жить вовсе. Ставшая взрослой Джилли придерживалась тех же взглядов. В мире полным-полно людей, которые

стремятся унижить тебя, застыдить, поставить на место и держать там. Смириться с этой правдой жизни – все равно что делать за мерзавцев их работу.

Глядя прямо перед собой на разматывающуюся или сматывающуюся – это как посмотреть – автостраду, Дилан О'Коннер казался невероятно спокойным, таким Джилли его еще не видела, не ожидала увидеть при сложившихся малоприятных обстоятельствах. Вероятно, сама мысль об искусстве, которому он отдавал себя без остатка, о стоящей перед ним задаче: адекватно отразить красоту окружающего мира на двухмерном холсте – обладала способностью обуздать его страхи хотя бы на время.

Она восхищалась уверенностью, с которой он принимал этот вызов, знала безо всяких вопросов, что он не готовил себе запасных позиций в том случае, если бы потерпел неудачу как художник, в отличие от нее, не задумывался о новой карьере, не собирался писать бестселлеры. Она завидовала его уверенности, но, вместо того чтобы разжечь этой завистью огонь здоровой злости и изгнать холод собственной неполноценности, она еще глубже погружалась в ледяную ванну смирения.

И в тишине, повисшей в кабине «экспедишн», Джилли вновь услышала серебристый смех детей; или услышала воспоминания об этом смехе, точно она сказать не могла. Эфемерные, как легкий прохладный ветерок, мягкие, покрытые перьями крылышки поглаживали ее руки, шею лицо. То ли она это чувствовала, то ли ей это казалось.

Закрыв глаза, преисполненная решимости не увидеть еще один мираж, если он вдруг возникнет перед ней, она сумела заглушить детский смех.

Крылья тоже исчезли, но внезапно с ней произошло нечто куда более удивительное и пугающее: она вдруг ощутила каждый проводящий путь нервной системы своего тела, увидела точное расположение и сложное устройство всех двенадцати пар черепно-мозговых нервов, тридцати одной пары спинномозговых. Будь она художницей, Джилли смогла бы нарисовать невероятно точную карту тысяч и тысяч нервных клеток ее тела, могла бы назвать точное количество нейронов. Она ощущала миллионы электрических импульсов, передающих информацию от нервных окончаний, разбросанных по всем уголкам тела, в спинной и головной мозг, не менее интенсивный поток импульсов, передающий команды от мозга к мышцам, органам, железам. Перед ее мысленным взором возникла трехмерная карта центральной нервной системы: миллиарды взаимосвязанных нервных клеток в головном и спинном мозге, она видела их разноцветными точками, мерцающими, вибрирующими, живыми.

Она узнала о существовании целой вселенной внутри себя, галактиках и галактиках поблескивающих нейронов и внезапно почувствовала себя вращающейся в безграничном холодном межзвездном пространстве, словно стала астронавткой, которая, выйдя в космос, оборвала фал, связывающий ее с кораблем. Вечность зевнула перед ней, раскрыв огромную, заглатывающую все и вся пасть, и ее тянуло, быстро, быстрее, еще быстрее, в эту внутреннюю необъятность, в забвение.

Глаза рывком раскрылись. Сверхъестественная «картинка» нейронов, нервных клеток и проводящих нервных путей исчезла так же быстро, как возникла.

Теперь что-то необычное ощущалось только в том месте, где ей сделали инъекцию. Зуд. Пульсации. Под полоской пластыря.

Парализованная ужасом, она не могла решиться и сорвать пластырь. Ее трясло, а она могла только смотреть на крошечное пятнышко: след капельки крови, которую впитала ватная подушечка на обратной стороне пластыря.

Но парализующий страх начал отступать, она смогла перевести взгляд со сгиба локтя на ветровое стекло и увидела реку белых голубей, летящих навстречу «экспедишн». Молчаливо возникали они из ночи, летели на запад над половиной автострады, ведущей на восток, сотни, тысячи неспешно машущих крылами птиц. Перед бампером «экспедишн» белая река разделялась на параллельные рукава, которые обтекали внедорожник с обеих сторон, формировала

третий рукав, он поднимался вдоль капота и ветрового стекла на крышу, а за машиной все три рукава голубиной реки соединялись и уплывали в ночь без единого звука.

И хотя эти несчетные легионы, несущиеся навстречу внедорожнику, ослепляли, как сильный буран, не позволяли увидеть, что находится впереди, Дилан никак не прокомментировал их появление, ни на йоту не снизил скорость. Смотрел на этот белый, накатывающий на «экспедишн» поток и, похоже, не видел ни единого крыла, ни единого глаза-бусинки.

Джилли понимала: голубиная река призрачна, видима только ей, в реальности никакой реки не было и в помине. Она сжала в кулаки лежащие на коленях руки, закусилла нижнюю губу и, пока ее сердце продолжало биться под беззвучные взмахи крыл, молилась о том, чтобы эти покрытые перышками фантомы побыстрее улетели прочь, пусть и боялась, что сама может улететь вслед за ними.

Глава 13

Фантазм вскоре уступил место реальности, автострада очистилась от последних голубей, улетевших к деревьям и каланчам.

Постепенно и сердце Джилли замедлило свой безумный бег, но каждый его удар по-прежнему отдавался в ребрах, потому что страх никуда не делся.

Над ними плыла луна, небо сверкало звездами, они мчались в шуршании шин, обгоняли одни автомобили, пропуская вперед другие, иногда соперничали в скорости с громадными восемнадцатиколесными трейлерами и проехали никак не меньше двух миль, прежде чем Дилан нарушил затянувшуюся паузу:

– А каков твой *modus operandi*? Как комика?

Во рту у нее пересохло, язык стал до безобразия толстым, едва помещался во рту, но заговорила она нормальным голосом:

– Полагаю, ты про материал, на котором основаны мои репризы. Человеческая глупость. Высмеиваю ее как могу. Глупость, зависть, предательство, супружеская неверность, жадность, самодовольство, похоть, тщеславие, ненависть, бессмысленное насилие... Недостатка целей у комика нет. – Слушая себя, она прекрасно понимала, насколько отличаются цели, которые он ставит в своей работе, от того, что делает она на сцене. – Но таков удел всех комиков, – уточнила Джилли. Понятное дело, оправдываться не хотелось, но она ничего не могла с собой поделать. – Высмеивание человеческих пороков – грязная работа, но кто-то должен заниматься и этим.

– Людям необходим смех, – заметил он, словно прочитав ее мысли.

– Я хочу заставить их смеяться, пока они не заплачут, – произнеся эти слова, Джилли задалась вопросом, а откуда они взялись. – Я хочу заставить их почувствовать...

– Почувствовать что?

Слово, которым она собиралась закончить фразу, показалось ей столь неуместным, столь не соответствующим намерениям комика, что она запнулась и не позволила этому слову слететь с языка. Боль. Она едва не сказала: «Я хочу заставить их почувствовать боль». Но проглотила это слово и поморщилась, словно вкус у него оказался горьким.

– Джилли?

Черное обаяние самокопания привлекало куда меньше, чем полная угроз ночь, о которой они попытались на короткое время забыть. Теперь Джилли предпочла вернуться в нее. Уставилась на дорогу:

– Мы едем на восток.

– Да.

– Почему?

– Черные «субербаны», взрывы, гориллы в одежде для гольфа.

– Но я ехала на запад до того... как мне на голову свалилось все это дерьмо. На следующей неделе у меня три выступления в Финиксе.

На заднем сиденье Шеперд подал голос: «Feces, грязь».

– Сейчас ты не можешь ехать в Финикс, – запротестовал Дилан. – После того, что случилось, после твоего миража...

– Послушай, конец это мира или нет, мне нужны деньги. А кроме того, ты не подписываешь контракт, чтобы отказываться от него в последнюю минуту. Если, конечно, не хочешь остаться без работы.

– Дефекация. Стул.

– Ты забыла, что стало с твоим «кадиллаком»?

– Как я могла забыть? Эти мерзавцы взорвали его. Мой восхитительный «кадиллак-девилль». – Она вздохнула. – До чего же он был прекрасен!

– Жемчужина, – согласился Дилан.

– Мне так нравились хвостовые стабилизаторы.

– Элегантные.

– А какой роскошный передний бампер!

– Не то слово.

– И название золотыми буквами по бортам: «девилль». А теперь он взорван, сожжен и провонял одним поджаренным Франкенштейном. Как можно такое забыть?

– Испражнения, экскременты.

– Чего это он? – спросила Джилли.

– Ты тут произнесла одно слово. Вот Шеп и решил подобрать к нему синонимы.

– Мог бы выбрать другое слово.

– У Шепя несколько иное восприятие, чем у тебя или меня. По каким-то причинам он остановился на этом.

– Пу-пу. Ка-ка.

– Так я говорил о «кэдди», – продолжил Дилан. – Как только эти бандиты выяснят, что «девилль» не принадлежал Франкенштейну и зарегистрирован на некую Джулиан Джексон, они тут же начнут разыскивать тебя. Захотят узнать, каким образом ему удалось завладеть твоим автомобилем, отдала ли ты машину по доброй воле.

– Я знала, что мне следовало обратиться к копам. Заполнить заявление о краже автомобиля, как положено любому добропорядочному гражданину. Теперь мое поведение выглядит подозрительным.

– Ду-ду. Подарочек в подгузнике.

– Если Франкенштейн прав, – напомнил Дилан, – копы, возможно, не смогут тебя защитить. Может, эти люди рангом повыше копов.

– Тогда, полагаю, нам следует обратиться... куда? В ФБР?

– Возможно, и это тебя не спасет. Возможно, им подчиняется и ФБР.

– Так кто же они? Секретная служба, ЦРУ, эльфийское гестапо Санта-Клауса, составляющее свой список плохишей?

– Коровья лепешка. Отходы.

– Франкенштейн не уточнял, кто они, – ответил Дилан. – Лишь сказал, что мы будем мертвы, как динозавры, и похоронены там, где наши кости никогда не найдут, если они обнаружат эту самую субстанцию в нашей крови.

– Да, он так говорил, но почему мы должны ему верить? Он же безумный ученый.

– Продукты опорожнения кишечника. Удобрение.

– Он не безумный, – возразил Дилан.

– Ты сам его так называл.

– А ты называла его коммивояжером. От волнения кем мы только его не называли, но...

– Испражнения, какашки.

– ...с учетом того, что он знал, кто идет по его следу и чем закончится погоня, его действия предельно логичны и рациональны.

Ее рот раскрылся так широко, словно она намеревалась всячески посодействовать дантисту при пломбировании канала в одном из коренных зубов.

– Логичны? Рациональны? – Джилли напомнила себе, что совершенно не знает мистера Дилана О'Коннера. В конце концов, он мог оказаться еще более странной личностью, чем его братец. – Слушай, давай с этим разберемся. Этот улыбающийся говнюк вырубает меня хлороформом, впрыскивает мне в вену сок доктора Джекиля или что-то еще, крадет мой роскошный автомобиль, в котором его и взрывают, а по твоему просвещенному мнению, такое поведение

позволяет ему претендовать на место наставника университетской команды, готовящейся к участию в национальном конкурсе «Лучшие логики страны»?

– Не вызывает сомнений, что его загнали в угол, время истекало, вот он и воспользовался единственной оставшейся у него возможностью спасти работу всей жизни. Я уверен, сам он взрывать себя не собирался.

– Ты такой же безумец, как и он, – резюмировала Джилли.

– Стул. Овечьи какашки.

– Я же не говорю, что он поступил правильно, – уточнил Дилан. – Только о том, что с логикой у него все в порядке. А вот если мы будем исходить из того, что у него совсем съехала крыша, то допустим ошибку, которая может стоить нам жизни. Подумай об этом: если мы умираем, он проигрывает. Вот он и хочет, чтобы мы остались в живых, даже если мы... ну не знаю... ходячие результаты его экспериментов. Следовательно, я должен предположить, что все сказанное им мне должно помочь нам выжить.

– Кал. Дерьмо. Туалетное сокровище.

К югу и северу от автострады лежала равнина, черная, как камни очага, на котором готовили пищу последние десять тысяч лет. Лишь кое-где лунный свет поблескивал серым на листьях редких кустов да крупинках слюды в выпирающих из земли скалах. Прямо на востоке, впрочем уходя на юг и север, на фоне звездного неба чернели силуэты гор Пелонсильо.

Черная равнина не умиротворяла разум, не успокаивала сердце, и автострада оставалась единственным свидетельством того, что равнина эта находится на планете, где существует разумная жизнь. Даже лучи фар несущихся в обе стороны автомобилей не служили доказательством разумной жизни на этой планете. Создавалось ощущение, что они попали в некий фантастический мир, где жизнь эта вымерла многие столетия тому назад, а по автостраде курсируют автомобили-роботы, следуя заложенным в них программам.

Джилли эта черная пустота заставила подумать об аде с потушенными кострами под котлами с кипящей смолой.

– Нам не удастся выбраться из этой передрыги живыми? – задала она риторический вопрос.

– Что? Разумеется, мы выберемся.

– *Разумеется?* – Она, похоже, не верила своим ушам. – У тебя нет в этом никаких сомнений?

– Конечно, – кивнул он. – Худшее уже позади.

– Ты хочешь сказать, что худшее мы уже пережили?

– Да.

– Это нелепо.

– Худшее уже позади, – упрямо повторил он.

– Как ты можешь говорить, что худшее уже позади, если мы понятия не имеем, что нас ждет?

– Создание – акт воли.

– И что это должно означать?

– Прежде чем я создаю картину, я представляю ее у себя в голове. Она существует с того самого момента, как я представляю ее себе, а трансформация идеи в вещественное произведение искусства требует лишь времени и усилий, красок и холста.

На заднем сиденье Шеп вновь погрузился в молчание, но слова его брата тревожили Джилли гораздо больше.

– Позитивное мышление. Подумай об этом. Как бог создал небеса и землю? Подумал о них, и они появились. Раз так, абсолютная сила Вселенной – воля разума.

– Вероятно, нет, иначе у меня была бы еженедельная телевизионная программа и мы бы сейчас веселились в моем особняке в Малибу.

– Наша созидательность отражает божественную, потому что нашими мыслями каждый день создается что-то новое: изобретения, архитектурные проекты, химические вещества, производственные процессы, произведения искусства, рецепты приготовления хлеба, пирогов, жаркого.

– Я не собираюсь рисковать вечным проклятием души, утверждая, что могу приготовить жаркое не хуже господина. Я уверена, что его жаркое будет вкуснее.

Дилан пропустил ее шпильку мимо ушей.

– У нас нет божественной силы, поэтому мы не можем трансформировать энергию мыслей непосредственно в материю...

– Бог наверняка лучше меня готовит и закуски, и, я уверена, в сервировке стола ему нет равных.

– ...но в наших действиях мы должны руководствоваться мыслью и здравым смыслом, – терпеливо гнул свое Дилан. – Мы можем использовать другие виды энергии, чтобы преобразовывать существующую материю в то, что мы представили себе виртуально. Я хочу сказать, из пряжи мы делаем нити, из них – материю, чтобы шить одежду. Мы рубим деревья, чтобы распилить их на доски и брусья и построить дома. Наш процесс созидания более медленный, более неуклюжий, но принципиально он лишь на одну ступень ниже процесса, используемого богом. Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Надеюсь, что понимаю, но на все сто процентов гарантировать не могу.

Дилан надавил на педаль газа:

– Выслушай меня внимательно, а? Сделай над собой усилие!

Джилли раздражала его детская горячность и оптимизм, проявляемые в тот самый момент, когда над ними нависла смертельная опасность. Тем не менее, вспомнив, что его красноречие чуть раньше смирило ее гордыню, она почувствовала, как краска приливает к лицу, но все-таки в последний момент сумела прикусить язычок, не позволила раздражению обратиться в колкие слова.

– Ладно, попытаюсь. Говори.

– Предположим, мы созданы по образу и подобию бога.

– Хорошо. Согласна. И что из этого?

– Тогда логично предположить, что мы, пусть и не можем создавать материю из ничего и изменять ее силой мысли, тем не менее способны воздействовать на грядущие события нашей волей, конечно же не такой могучей, как воля бога.

– Воздействовать на грядущие события нашей волей?

– Совершенно верно.

– На события, которые грядут.

– Именно так, – подтвердил Дилан, радостно кивнул и оторвал взгляд от автострады, чтобы улыбнуться ей.

– На события, которые грядут, – повторила она и тут же осознала, что в своем раздражении и недоумении начала говорить прямо-таки как Шеперд. – Какие события?

– Которые могут произойти с нами в будущем, – объяснил он. – Если мы созданы по образу бога, тогда, возможно, мы в малой степени обладаем крошечной, но полезной толикой божественной силы, сотворившей этот мир. Мы не можем создавать материю, но в нашем случае способны определять свое будущее. Возможно, только силой воли нам удастся самим определить нашу судьбу если не вообще, то на определенный период времени.

– Тогда... мне достаточно представить себе, что я миллионерша, и я ею стану?

– Тебе все равно придется принимать правильные решения и упорно трудиться... но да, я верю, что каждый из нас может очерчивать свое будущее, в должной степени прилагая силу воли.

Все еще сдерживая раздражение, она игриво спросила:

– Тогда почему ты не знаменитый художник-миллионер?
– Я не хочу быть знаменитым или богатым.
– Все хотят быть знаменитыми и богатыми.
– Только не я. Жизнь и без того сложная штука.
– Деньги многое упрощают.
– Деньги многое усложняют, – не согласился он, – так же как и слава. Я же хочу только хорошо рисовать и с каждым днем рисовать лучше.

– И поэтому, – тут уж крышка с котла сарказма слетела, и он полился рекой, – ты пытаешься очертить себе будущее, в котором ты – будущий Винсент Ван Гог, и только стремлением стать звездой ты добьешься того, что придет день, когда твои работы будут висеть в музеях.

– Я, безусловно, намерен к этому стремиться. Мне хочется стать следующим Винсентом Ван Гогом... только я представляю себе будущее, в котором у меня будут оба уха.

Добродушие Дилана подействовало на Джилли, как красная тряпка на быка.

– Знаешь, чтобы заставить тебя более реально взглянуть на нашу ситуацию, я представляю себе будущее, в котором крепким пинком вгоняю твои соjones в твой же пищевод.

– Ты очень злая.

– Я очень испуганная.

– Испуганная теперь, но злая всегда.

– Не всегда. Мы с Фредом отлично проводили вечер, когда все началось.

– Должно быть, с детства у тебя остались очень серьезные неразрешенные конфликты.

– Вау, ты все больше меня удивляешь. У тебя есть лицензия психоаналитика? Этим ты занимаешься, когда откладываешь кисть?

– Если и дальше будешь стараться повысить давление крови, – предупредил Дилан, – у тебя лопнет сонная артерия.

Джилли раздраженно дернула головой.

– Я хочу донести до тебя лишь одно, – как и прежде, ровно и спокойно (от этого тона Джилли хотелось рвать и метать) продолжил Дилан. – Если мы будем думать позитивно, худшее останется позади. И будь уверена, негативным мышлением ничего не добьешься.

Она с трудом удержалась, чтобы не разбить ногой приборный щиток, застучать каблучками по полу, но вовремя вспомнила про беззащитного Фреда, который стоял на коврике у сиденья. Поэтому набрала полную грудь воздуха и выдала:

– Если все это так легко, почему Шеп все эти годы ведет столь жалкое существование? Почему ты не представил себе, что он избавляется от аутизма и начинает жить как нормальный человек?

– Я себе это представлял, – мягко ответил Дилан, и в голосе его звучала безмерная печаль. – Представлял это так ярко, так живо, всем моим сердцем, насколько себя помню.

Бесконечное небо. Бескрайняя пустыня. Пустошь, возникшая в кабине внедорожника, своими размерами ничуть не уступала вакууму и темноте, царящим за пределами окон и дверей «экспедишн». И пустошь эту создала она. Уступив страху и раздражению, не думая, переступила черту, отделявшую нормальный спор от сознательной жестокости, уколола Дилана О'Коннера в самое болезненное место. И дистанция между ними, пусть они и сидели на расстоянии вытянутой руки, стала огромной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.